

II.

КОТЛЯРЕВСКІЙ.

Исторія Польши и Южной Руси, или Украины обѣихъ сторонъ Днѣпра, съ XVI по XIX вѣкъ, похожа на судьбу двухъ братьевъ, изъ которыхъ старшій хотѣлъ заставить меньшого на себя работать, — отъ этого вспыхнула между ними непримиримая вражда, старшій не хотѣлъ дать меньшому правъ равенства, меньшей не хотѣлъ подчиниться старшему до покорности слуги, и кончилось тѣмъ, что они взаимно другъ друга разорили, обезсилили, довели до послѣдняго упадка. Участи этихъ двухъ націй сходны не въ одномъ внѣшнемъ отношеніи. Конецъ ихъ отдѣльной, хотя уже давно не самостоятельной жизни, въ исходѣ XVIII столѣтія, былъ временемъ упадка, какъ польской, такъ и украинской народности. Но когда, по-видимому, погасла и послѣдняя искра польскаго патріотизма и украинскаго козацкаго духа, — въ той и другой націи начали обнаруживаться признаки жизни, болѣе могучей и вѣрной, нежели существованіе политическое, часто подчиняющееся нравственнымъ достоинствамъ и недостаткамъ одного лица, — признаки своеобразной духовной жизни, определяющей, что вынесетъ народъ изъ своего прошедшаго, счастливаго и несчастнаго. Польская народность проявила себя въ обширной, энергической литературѣ, которая выразительнѣе всѣхъ Радзивилловъ, Потоцкихъ и Вишневецкихъ сказала свѣту, что такое Поляки разныхъ сословій и состояній и что такое Польская нація вообще, въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ. Что касается до Украинцевъ, то у нихъ также, вслѣдъ за уничтоженіемъ и послѣднихъ остатковъ стариннаго своеобразнаго гражданскаго устройства, обнаружились попытки къ выраженію своей народности предъ судомъ современнаго и будущаго человѣчества. Мы говоримъ о началѣ письменной украинской словесности. Но, поставивъ ее въ параллель съ словесностью польскою, мы далеки отъ того, чтобы ихъ сравнивать въ могуществѣ и обширности развитія. Два брата-Славянина, Ляхъ

и украинскій Русинъ, панъ и козакъ, родные по происхожденію, не похожи другъ на друга религіозными и общественными убѣжденіями. Прощедшая жизнь Украинца, какъ демократа, была постояннымъ противодѣйствіемъ жизни Поляка, какъ пана, или же — молчаливымъ отрицаніемъ этой жизни. Кромѣ того, Ляхи жили поближе къ старой Европѣ и вдалились въ цивилизацію, со всѣми ея посягательствами на благоденствіе массы. Украинцы, напротивъ, отрицая безсознательно, но неизмѣнно, идею рѣчи посполитой, въ томъ видѣ, какъ она осуществлялась Поляками, — держались главными своими силами въ стѣнахъ и противопоставляли панской роскоши неприхотливую сносливость въ помѣщеніи, въ пищѣ и въ одеждѣ, ихъ утонченности нравовъ — естественную, доводимую иногда до грубости простоту, наконецъ, исключительности общественного устройства Польши — внушаемое самой природою пониманіе взаимныхъ человѣческихъ правъ и отношеній. Естественно, что и возродившаяся въ новомъ видѣ словесность одного и другого народа не могли быть ни одинаковы по симпатіямъ, ни равны по обширности и разносторонности развитія. Литература польская, возродясь въ духѣ новыхъ задачъ своихъ, опиралась на исторію многовѣковой гражданственности. Литература украинская, уступя Полякамъ то, что въ лѣтописяхъ и думахъ нашихъ называется *городами*, и отрекшись до поры до времени отъ своей доли связанныхъ съ ними гражданскихъ преданій, вдохновлялась безлюдными, необозримыми степями, шумящими *лугами* ⁽¹⁾ и убогими селами, убѣжавшими въ глухія пустыни отъ польской гражданственности. Старшій братъ-Славянинъ примкнулъ, такимъ образомъ, съ своей словесностью къ міру старой европейской гражданственности, меньшей — къ міру еще свѣжему, полному юношескихъ великодушныхъ стремленій, поэтическихъ грезъ и недовѣрчиво взирающему на успѣхи челоуѣчности, какихъ возможно достигнуть путемъ извѣстной доселѣ цивилизаціи....

Впрочемъ эти слова относятся собственно къ дальнѣйшему развитію письменной украинской словесности; первое же популярное ея произведение носить на себѣ признаки глубокаго упадка народнаго чувства самосознанія и самоуваженія. Разумѣемъ *Енеиду* Котляревскаго. Популярность этой пародіи объясняется состояніемъ грамотной части укра-

(1) *Лугъ* въ народномъ языкѣ значитъ низменное подводное мѣсто, покрытое деревьями. Потому-то въ пѣснѣ поется:

Ой не шуми, луже,
Дібровою луже.

инскаго народа въ концѣ XVIII вѣка. Въ критическомъ разборѣ рукописной книги Климента, украинскаго стихотворца временъ Мазепы, показано уже, какъ, подъ покровительствомъ не-народнаго гетмана и его креатуръ, выдѣлилось изъ козацкаго, въ то время еще не-простонароднаго сословія, сословіе такъ называемыхъ пановъ, ставившихъ ни во что простолюдина (что, впрочемъ, тогда было и во всей Европѣ) и взиравшаго на *посполитый* людъ съ высоты своихъ выторгованныхъ на счетъ поспольства привилегій. Это разбогатѣвшее военною добычею и займанщинами сословіе уже и тогда пренебрегало простонароднымъ бытомъ и языкомъ, подражая, сколько было для него возможно, иноземцамъ, какъ это видно изъ той же книги, не говоря ужъ о другихъ источникахъ.

Я не стану томить читателя повтореніемъ тяжелыхъ, глухихъ семинарскихъ виршъ Климента, которыя, точно подземный голосъ, вырвавшійся изъ молчаливыхъ могилъ, засвидѣтельствовали передъ потомствомъ, какъ ужасно было положеніе простолюдина во времена мнимой самостоятельности нашего отечества. Я хочу только сказать, что, насмѣявшись надъ простодушіемъ украинскаго поспольства послѣ развязки *нѣжинской черной рады*, обманщики не остались на Украинѣ безъ послѣдователей.

Когда преданъ былъ Бруховецкій восторжествовавшему надъ нимъ Дорошенку, лукавая партія Бруховецкаго, безъ сомнѣнія, увеличилась не однимъ союзникомъ. Когда предпочтенъ былъ Дорошенку ничтожный злоиствъ Многогрѣшный, — она еще больше усилилась. Когда Самойловичъ привлекъ ее къ себѣ на гибель Многогрѣшному, — она вкоренилась на Украинѣ еще глубже. Когда Мазепа составилъ между старшинами партію противъ гетмана Самойловича и, дѣйствуя съ ней заодно, подѣлился съ княземъ Голицынымъ національнымъ скарбомъ, — это была всё она же, та самая партія, которая вооружила противъ Сомка простой народъ и потомъ горько надъ нимъ наругалась. Гетманство Мазепы было временемъ наибольшаго процвѣтанія козацкихъ пановъ, на счетъ низшихъ классовъ украинскаго населенія. Ни одинъ гетманъ не возвышался до такого самовластия, какъ Мазепа, и, слѣдовательно, ни одинъ не могъ позволить себѣ такихъ крупныхъ злоупотребленій. Чѣмъ ниже клонилъ онъ голову передъ царемъ Петромъ, тѣмъ надменнѣе держалъ ее передъ тогдашнюю Украинскою націею, этой простодушной толпою, столько разъ уже проданною своими предводителями со временъ знаменитаго возстанія Хмельницкаго. Набожный безъ вѣры въ распятаго за слово истины, отважный безъ самопожертвованія, онъ обманывалъ людей, для него опас-

ныхъ и передавался на сторону сильныхъ. Такъ поступали и его полковники и генеральные старшины, дѣйствовавшіе съ нимъ заодно, изъ личныхъ выгодъ. Украина, съ ея народонаселеніемъ, послѣ паденія Мазепы, представила возмутительную картину дѣлежа національной собственности между послѣдователями его системы, его непосредственными учениками, и множествомъ ихъ мелкихъ подражателей, которые, увиваясь вокругъ нихъ, жилились ихъ недоѣдками. Исторію отъ Мазепы до Разумовскаго можно назвать исторіею расхищенія національной собственности всѣми благовидными и неблаговидными способами. Наконецъ, когда нечѣмъ было уже дѣлиться, козацкіе паны подѣлились подеосѣдками, которыхъ еще Мазенинскій поэтъ, Климентій, называлъ, за вольный переходъ съ однихъ земель на другія, *бутовниками на своихъ пановъ*.

Да, козацкая старшина, при всемъ демократизмѣ своего происхожденія, была роднымъ чадомъ польской аристократіи XVII вѣка, съ которою, въ благородной гордости и презрѣніи къ хлѣбамъ, не могла равняться ни одна аристократія въ Европѣ. Главою поднятой въ 1647 году на пановъ демократіи украинской былъ прежній угодникъ магнатовъ, панскій придворный и, въ добавокъ, питомецъ іезуитовъ. Неразборчивый въ средствахъ для достиженія своей цѣли, Богданъ Хмельницкій первый пожертвовалъ простолюдинами для соблюденія собственныхъ выгодъ и выгодъ воинственной части Украинцевъ, обезпечивавшей его благосостояніе. Въ сдѣлкахъ своихъ съ Поляками, онъ не одинъ управлялъ мнѣніями верховнаго козацкаго совѣта: его правой рукой и совѣтѣю былъ такой же, какъ и онъ, шляхтичъ Выговскій, а кромѣ Выговскаго, въ козацкое войско передалось множество дворянъ, которые, при всякомъ удобномъ случаѣ, поселяли въ знатнѣйшихъ козакахъ убѣжденія польскихъ аристократовъ. Іезуиты, просвѣщавшіе Польское королевство со временъ Баторія, вдохнули свой нечистый духъ не въ однихъ католическихъ магнатовъ, не въ однихъ окатоличенныхъ русско-литовскихъ князей, не въ однихъ оставшихся вѣрными греко-русскому обряду пановъ-богачей, но и во все то, что пользовалось правами шляхетства, или, что почти одно и то же по-тогдашнему, правами гражданства ⁽¹⁾. Вотъ почему козацкая нація, отвергнувъ іезуитско-польское аристократическое начало во внѣшнихъ формахъ, сохранила его въ духѣ своихъ вельможныхъ и ясновельможныхъ представителей. Вотъ почему разг-

⁽¹⁾ Мѣщане пользовались правами гражданства, не пользуясь шляхетскими правами; но ихъ охраняло Магдебургское право, которое они покупали у королей и у сената.

ралась въ іезуитскомъ вкусѣ лѣжинская черная рада, имѣющая значеніе столь же великаго національнаго бѣдствія, какъ и Зборовскій договоръ, превознесенный всѣми лѣтописцами и историками (за исключеніемъ одного Костомарова). Вотъ почему Мазепа съ своею панскою партіею съумѣлъ заставить козаковъ выбрать себя гетманомъ, наперекоръ ихъ нелюбви къ нему. Вотъ почему онъ господствовалъ неограниченно въ Украинѣ до тѣхъ поръ, пока, играя по-іезуитски обязательствами, ошибся въ расчетѣ и принужденъ былъ уступить свое мѣсто ничтожнѣйшему изъ своихъ полковниковъ, Скоропадскому. Вотъ почему, наконецъ, Скоропадскій, сознававшій свое безсиліе и не пренебрегавшій никакими средствами для удержанія за собою гетманства, подарилъ часть своей родины князю-Меньшикову, и этимъ актомъ, не встрѣтившимъ ни малѣйшаго протеста со стороны старшинъ, допустилъ на Украинѣ первый примѣръ обращенія подсосѣдковъ въ то состояніе, въ какомъ очутились они всѣ съ 1782 года. Климентіевскій идеалъ обладанія свободными подсосѣдками осуществился на Шептаковской волости и на приморскихъ земляхъ къ ней, по волѣ всемогущаго временщика, земляхъ козацкихъ; и это вовсе не было противно господствовавшему въ Гетманщинѣ взгляду на простолюдина. Лучшие изъ тогдашнихъ вельможныхъ пановъ нашихъ охотно стали бы на мѣсто Меньшикова и присвоили бы себѣ Шептаковскую волость по-меньшиковски, если судить по Полуботку, который, по милости Конискаго и сочиненной Конискимъ рѣчи, прослылъ героемъ украинскаго патріотизма, по которому патріотизмъ не мѣшалъ заниматься обманомъ и грабежомъ, подъ прикрытіемъ козацкаго полковничества (1). Безъ совершенной отроженности отъ простолюдиновъ и безъ глубокаго къ нимъ презрѣнія, наслѣдованнаго нашими панами отъ ихъ сановныхъ прототиповъ, Вишневецкихъ, Киселей, Радзивилловъ, не возможны были бы тѣ ужасныя дѣла, которыя творились въ Гетманщинѣ отъ Мазепы до Разумовскаго. Самъ Конискій, видѣвшій въ Полуботкѣ и въ другихъ, ему подобныхъ панахъ героевъ вольности народной, написалъ о современныхъ ему событіяхъ нѣсколько кровавыхъ, глубоко потрясающихъ страницъ, которыя, будучи подтверждены часто наивными свидѣтельствами архивовъ, останутся вѣчнымъ памятникомъ на могилахъ нашихъ вельможныхъ прадедовъ, умѣвшихъ процвѣтать и благоденствовать посреди гибели всего того, что куплено столь дорогою цѣною.

(1) См. акты изъ архива Н. А. Маркевича, приложенные при II томѣ *Записокъ о Южной Руси*, стр. 348.

При такомъ обращеніи съ общественными интересами страны, могли ли наши новосотворенные изъ козацкихъ старшинъ дворяне уважать простонародные нравы, обычаи и языкъ? *Chłopska wiara!* говорили католики о вѣроисповѣданіи украинскаго простонародья. *Psia krew!* говорили паны XVII вѣка о своихъ подданныхъ. *Chłopi iesteście!* отвѣчали радные паны на требованія правъ гражданскаго равенства со стороны козаковъ. *Мужицкіе обычаи, мужицкая рѣчь!* твердили въ 1782 году наши дворяне, новопожалованные помѣщичьимъ правомъ. И какъ имъ было этого не говорить, когда, столѣтіе назадъ, представитель писемѣннаго сословія, іеромонахъ Климентій, написалъ, что *письменному* человѣку быть вмѣстѣ съ *простымъ* — все равно, что трезвому съ пьянымъ,

Бо въ прѣстого мужика прѣстий есть обѣчай,
а въ письменного особній, політичній, звѣчай.

Этотъ *політичній звѣчай*, развиваясь по началамъ мазепинской аристократіи, естественно долженъ былъ дойти до полного отчужденія отъ всего, что связываетъ любовно одно сословіе съ другимъ, кромѣ обрядовъ вѣры, какъ дѣла, равно обязательнаго для всѣхъ.

Когда въ Украинѣ явилось такимъ образомъ два общества, непохожіе другъ на друга ни бытомъ, ни одеждою, ни обычаемъ, ни языкомъ, и когда сами козаки спустились мало-помалу до уровня податнаго сословія наравнѣ съ новозакрѣпощенными крестьянами; тогда въ сословіи модномъ слово *мужикъ* сдѣлалось словомъ укора ⁽¹⁾. Неловкое, смѣшное, странное и нелѣпное — все это относилось къ низшимъ классамъ украинскаго населенія, и няньки панскихъ дѣтей, желая пристыдить своихъ питомцевъ, еще тогда начали употреблять свою ходячую фразу: *Такъ только мужики дѣлають*. На народные праздники и свадьбы начали паны смотрѣть со смѣхомъ, какъ на диковинные обычаи дикарей, и никому не приходило въ голову, что въ этихъ праздникахъ и свадьбахъ есть черты нравовъ, истинно высокихъ, истинно человѣческихъ.

Петръ Первый, торопясь утвердить новую имперію въ нѣмецкомъ духѣ среди славянскаго населенія, не зналъ ничего выше Нѣмца, съ его умѣньемъ рыться въ рудникахъ, лить пушки, строить корабли, выламывать солдатъ и сочинять бумаги. Онъ до того обрадовался готовому на все, работающему наемнику, что принялъ его къ себѣ, такъ сказать, въ

(1) Впрочемъ еще въ 1724 году Продионъ, архіепископъ черниговскій и новгородъ-ѣверскій, въ своемъ отвѣтѣ на запросъ генеральной канцеляріи, называетъ козаковъ *мужицкими сынами и внуками*. (Архивъ Н. А. Маркевича).

долю на своей обширной фабрике и поставилъ образцомъ для своего народа весь его обычай. Природными и искусственными Пѣмцами покрывалось все пространство отъ Финскаго залива до Азова: ихъ правило — жертвовать живою массою въ пользу отвлеченной идеи государства пришлось по душѣ подготовленнымъ Поляками нашимъ украинскимъ панамъ, и наследованныя нами отъ предковъ одежды и весь бытъ, съ его разумной, дешевой простотою, очень скоро замѣнились у нашихъ пановъ модными нарядами, искусственностію жизни и ея обстановкою, не по средствамъ страны. Одѣваться и жить по-старому — признано было мужичествомъ. Явился ложный стыдъ — быть похожимъ на простого поселенина въ чемъ бы то ни было: Отдѣлится отъ другихъ сословій чѣмъ только возможно — сдѣлалось задачей нобилизованнаго украинскаго панства, и только люди отсталые, захолаустники, будучи отцами чиновныхъ дворянъ, — не смотря на переименованіе изъ козацкихъ почетныхъ званій въ классныя чины, донашивали наследственные предковскіе жупаны и не стыдились походить языкомъ и домашнимъ бытомъ на людей податнаго званія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на козаковъ, понизившихся цѣлою ступенью на общественной лѣстницѣ.

Когда такимъ образомъ двѣ части одной и той же націи стали одна въ виду другой, въ новыхъ для нихъ отношеніяхъ, то, естественно, онѣ показались одна другой странными и смѣшными. Простой народъ выразилъ свои понятія о панахъ въ пословицахъ и пѣсняхъ, за недоступностію для него литературнаго способа высказывать свой взглядъ на вещи. Чтò касается до высшаго сословія, то оно, съ самого того времени, какъ гетманъ козацкій явился въ пудрѣ, окруженный пудреннымъ дворомъ своимъ, — почувствовало, въ лицѣ богатѣйшихъ своихъ представителей, неудержимый хохотъ отъ сравненія новомоднаго тогда, а въ наше время перешедшаго къ лакеямъ, костюма съ одеждами старомодными, сохранными до сихъ поръ въ простомъ народѣ. Не только жупаны, шаровары, чуприны, усы сдѣлались смѣшны напудреннымъ и гладко выбритымъ подражателямъ воспитаннаго за границей гетмана, но и самый обычай и языкъ родного края показали имъ чудовищно грубыми и смѣшными. Хохотъ ихъ былъ родной братъ того хохота, которымъ Бруховцы провожали омороченныхъ ими простолюдиновъ съ черной рады. Торжествующій пройдоха никогда не смѣшонъ въ глазахъ такъ называемыхъ практическихъ людей, обдѣлывающихъ свои дѣлишки безъ дальнихъ умствованій: смѣшонъ, въ ихъ глазахъ, тотъ, кого надулъ онъ, обобралъ и запретъ въ свое ярмо. Жестокій и безмысленный смѣхъ! Но судьба казнить этимъ смѣхомъ народы

за ихъ беззаботность о судьбѣ своей, за ихъ неразумные внутренніе раздоры, за ихъ забвеніе равно для каждаго святыхъ обязанностей общественныхъ, и, чтобы еще больше наругаться, въ гнѣвѣ своемъ, надъ раздѣлившимся на ся народомъ, она выбираетъ исполнителями казни своей тѣхъ именно людей, которые, въ противномъ случаѣ, были бы опорой и честью родного края.

Съ того-то времени появились между Украинцами эти юмористы, которыхъ цѣлыя десятки, по преданію, выманили себѣ своими шутками чины и имѣнія у знатныхъ и могучихъ людей. Успѣхомъ у вельможъ они были обязаны смѣлости — казаться тѣмъ, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ были, по своему воспитанію, то есть простолюдинами, или — искусству представлять простолюдина съ его честнымъ простодушіемъ и природнымъ, затаеннымъ умомъ. Весь ихъ юморъ вертѣлся на томъ, чтобы дать почувствовать офрануженному и онѣмеченному Русскому человѣку, до какой степени не похожъ на него человѣкъ, оставленный имъ въ простой хатѣ, изъ которой онъ иногда и самъ выходилъ въ чиновные люди, какъ гетманъ Разумовскій. Эти шуты не были люди ограниченныхъ способностей. Напротивъ, ихъ способности не рѣдко были таковы, что еслибы они шли по пути чести и истины, то могли бы поставить себя высоко во мнѣніи потомства. Но эти господа разочли, что такимъ путемъ далеко не уѣдешь, при тогдашнемъ развитіи протекторства, и рѣшились лучше осмѣять его въ своемъ лицедѣйствѣ передъ нудренною публикою. Они смекнули, что путемъ чести и истины легко было, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, заѣхать, по слѣдамъ Палія, въ Сибирь, и благоразумно избрали девизомъ своимъ пословицу: *Скачи, вѣраже, якъ панъ каже!* Они, наконецъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, дѣйствовали по примѣру юродивыхъ смѣльчаковъ разныхъ временъ и народовъ, какъ, напримѣръ, представители Запорожья передъ разрушеніемъ Сѣчи (хотя эта устарѣлая хитрость не устояла противъ хитрости новѣйшей, возведенной въ достоинство государственной науки, и запорожскіе братчики вдругъ увидѣли себя *убранными въ шоры*.)

Гоголь, зная по преданію, какъ извивались мудрой змією Сѣчевики, какъ-бы въ предчувствіи близкой гибели, — пытался представить ихъ въ художественной картинѣ при дворѣ Екатерины Второй; но картина вышла бойкимъ эскизомъ, который даетъ только чувствовать, что въ самомъ дѣлѣ *было* что-то этому подобное въ нашей смѣшной и трагической исторіи. Другой извѣстный намъ образчикъ юмора, отъ котораго хочется плакать, принадлежитъ словесности изуверной, потѣшавшей

вельможъ XVIII вѣка. Я говорю о такъ названной мною *Очаковской Бѣдѣ*, пересказанной мнѣ въ полуразоренномъ Мотренинскомъ монастырѣ отставленнымъ и убогимъ его настоятелемъ, въ 1843 году, со словъ какого-то полковника Перепелицы (1).

Вникнувъ въ положеніе козаковъ, представленныхъ въ этомъ характеристическомъ разсказѣ, видишь ясно, что имъ ничего больше не оставалась дѣлать, какъ смѣяться надъ самими собою. Но сколько жалобы и тоски въ этомъ смѣхѣ! Судя по нынѣшнимъ живымъ образикамъ дворянско-юмористовъ, получающихъ доступъ въ знатный кругъ за свои анекдоты о простолюдинахъ, — полковникъ Перепелица былъ, вѣроятно, разсказчикъ *ex professo*. Подобно актеру, которому безъ сцены скучно, онъ представилъ, въ монастырѣ, на богомольи, образикъ-другой своего пестроства, и едвали сознавалъ, что, пародируя козацкую службу послѣднихъ годовъ существованія національнаго своего войска, онъ говоритъ такъ много горькой правды. Но какъ бы то ни было, только съ упадкомъ національности въ начальствовавшихъ и богатѣйшихъ Украинцахъ, съ появленіемъ на вельможныхъ козацкихъ головахъ нелѣпной пудры, а на вельможныхъ козацкихъ женахъ нелѣпыхъ фижмъ, нетитулованный козакъ, оставшійся при своемъ предковскомъ жуланѣ, сдѣлался въ высшемъ кругу такъ смѣшонъ, какъ былъ бы смѣшонъ въ обществѣ хромовитыхъ людей челоуѣкъ, ходящій прямо. Наши паны поклонились до земли сыну убогой козацки Розумихи изъ села Лемешей (2), когда онъ, сказочной игрой случая, воротился къ нимъ на Украину въ видѣ французскаго маркиза, и поставили его особу и его дворъ образцомъ для себя въ усовершенствованіи своего общественнаго и домашняго быта. Низменная роскошь, доступная прежде только немногимъ фамиліямъ, распространилась отъ сіятельнаго козацкаго сына, какъ-будто самой судьбою избраннаго на то, чтобы поддержать въ окружавшихъ его духъ польскаго шляхетства. Шафонскій, въ своемъ *Описаніи Черниговскаго Намѣстничества* (стр. 26), говоритъ: »До 1751 года, то есть до прибытія въ Малую Россію графа Киприлла Григоріевича Разумовскаго на гетманство, ни у десяти самыхъ первѣйшихъ Малороссійскихъ вельможъ не было каретъ, а ѣздили почетнѣйшіе въ четверокопытныхъ, а прочіе въ половинчатыхъ коляскахъ. Нынѣ во всякомъ городѣ и уѣздѣ нѣсколько можно оныхъ встрѣтить.« Вотъ почему тотъ же Шафонскій говоритъ далѣе: »Аллегорическіе обряды и

(1) См. *Зап. о Южн. Руси*, т. I, стр. 289.

(2) Черниг. губ. Козелецкаго уѣзда.

церемоніи при свадьбахъ, у простыхъ и теперь употребляемые, у почетнѣйшихъ вывелись.»

И одни ли свадебные обряды вывелись у людей, назвавшихся почетнѣйшими? Сколько новаго, чужеземнаго приняли они на-вѣру отъ такихъ людей, какъ Разумовскій, которые не могли себѣ представить ничего выше обычаевъ Версальскаго двора! Вывелся у нихъ страхъ общественнаго суда, потому что общественный судъ ограничивался небольшимъ числомъ панскихъ родовъ, выдѣлившихся изъ козацкаго сословія, которое смѣялось, въ своихъ семьяхъ, надъ пудрою, какъ надъ нелѣпностью, и гнушалось фижмами и открытыми до послѣдней возможности лифами, какъ непристойностью. Вывелся у нихъ обычай водить хлѣбъ-соль, вступать въ родство, свойство и кумовство съ людьми, которые оставались вѣрными здоровой простотѣ нравовъ, образовавшихся на родной почвѣ дѣйствіемъ родной исторіи. Вывелось правило, при заключеніи брачныхъ союзовъ, цѣнить выше всего *честный родъ*, на мѣсто котораго поставленъ, по примѣру гетмана Скоропадскаго, родъ знатный ⁽¹⁾. Измѣнился, наконецъ, и самый взглядъ на все, что, въ простыхъ формахъ, имѣло прежде свое значеніе и вѣсь. Въ то отдаленное отъ насъ время, когда простолюдина называли *смердомъ*, и въ то время, когда его стали называть *хлопомъ*, не больше было разстоянія между нимъ и сословіемъ привилегированнымъ, какъ и въ этотъ третій періодъ его существованія подъ именемъ *мужика*. На родной его почвѣ, подъ вліяньемъ чужой народности, въ третій разъ уже выдѣлились изъ него люди, возгнушавшіеся коренными его нравами и обычаями. Но въ первые два періода дѣло обошлось живымъ словомъ, которое лишь случайно попало подъ перо поклонявшихся силѣ и богатству иноковъ, ученыхъ схоластиковъ и важныхъ государственныхъ мужей; въ третьемъ же періодѣ, подъ литературнымъ вліяніемъ современнаго міра, явился письменный и печатный органъ презрительнаго взгляда на простолюдыне и на все, во что оно простодушно вѣруетъ и чѣмъ держится въ своей здоровой правдивости. Мы говоримъ о Котляревскомъ. Въ его перелицованной *Енеидѣ* собрано все, что только могли найти паны каррикатурнаго, смѣшнаго, и нелѣпаго въ худшихъ обрацкахъ простолюдина.

(1) Гетманъ Скоропадскій, въ глубокомъ своемъ уничиженіи, которому обязанъ и булавою, не смѣлъ воспользоваться даже въ собственной семьѣ своей человѣческими правами и всеуниженнѣйше просилъ Петра Перваго назначить его дочери жениха, который и былъ назначенъ изъ велико-русскихъ баръ.

Котляревский был человекъ добродушный, и среда, къ которой онъ принадлежалъ, не состояла изъ людей жестокосердыхъ. XVIII-й вѣкъ, надѣлавшій столько бѣды въ нашей Украинѣ, смотрѣлъ по-своему на свои дѣянія и не предвидѣлъ, какъ они отзовутся въ потомствѣ. Сохраненныя преданіемъ черты нравовъ общества, которое создало Котляревскаго, во многихъ случаяхъ отличаются идилическою мягкостію; но эта мягкость относилась не ко всѣмъ сословіямъ. Сфера заботливаго вниманія тогдашняго дворянина ограничивалась людьми его сословія и состоянія. Онъ дорожилъ мнѣніемъ себѣ подобныхъ; онъ исполнялъ обязанности гостепріимства и дружелюбія къ себѣ подобнымъ; его катихизисъ озарялъ передъ его совѣстью только равныхъ ему и оставлялъ въ густой тѣни ближнихъ другого рода. Участіе и помощь были оказываемы добрыми людьми того времени и простолюдинамъ, но это дѣлалось между прочимъ, и походило больше на прихоть доброты, чѣмъ было добротою въ самомъ дѣлѣ. Котляревскій, по преданію, не разъ вступался за обиженныхъ сутягами козаковъ полтавскихъ, и домикъ его въ Полтавѣ былъ извѣстенъ убогимъ челобитчикамъ; но посмотрите, какъ проводить онъ жизнь свою, къ кому онъ льнетъ, передъ кѣмъ разсыпается въ угожденьяхъ; послушайте его анекдотовъ въ кружкѣ пріятелей — и для васъ будетъ ясно, какая сторона жизни должна выражать его въ простолюдинахъ.

Иванъ Петровичъ Котляревскій воспитывался въ Полтавской семинаріи, былъ домашнимъ учителемъ въ помѣщичьихъ семействахъ, потомъ служилъ въ арміи, наконецъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и поселился въ отцовскомъ домикѣ своемъ, въ Полтавѣ. Его воспитаніе совпало съ эпохой протеста противъ деспотическаго классицизма, — протеста, выразившагося въ европейскихъ литературахъ оскверненіемъ боговъ и героевъ. По преданію, онъ еще въ семинаріи началъ переписывать *Енеиду* Виргилія на каррикатурно-украинскій языкъ. Кому онъ подражалъ и былъ ли ему извѣстенъ тогда *Скарронъ* или *Баумгартенъ*, это занимаетъ насъ мало. Мы только знаемъ, что, поступивъ въ военную службу, Котляревскій прославился своей пародіей на шутку. Уже самая мысль — написать пародію на языкъ своего народа показываетъ отсутствіе уваженія къ этому языку. Но Котляревскій заплатилъ дань своему вѣку, будучи не въ силахъ стать выше его понятій. Троянскій герой, въ видѣ украинскаго бродяги, сѣвшилъ товарищей Котляревскаго до слезъ, и рукописи его начала ходить по рукамъ. Помѣщики украинскіе расхохотались надъ *Енеидою* не хуже офи-

церовъ; расхотались надъ нею и ихъ лакеи, уже непохожіе на тѣхъ, отъ кого они отрознены дворовою жизнью и съ кого списаны Котляревскимъ карикатурные портреты. Одни просто-подины не смѣялись: имъ было не до *Енеиды*.

Въ то время едвали какой другой родъ украинской словесности могъ быть встрѣченъ нашею украинскою публикою съ сочувствіемъ. Понятіе о своей самобытной народности въ ней не существовало. Семипаріи и народныя училища увѣряли каждого школьника, посредствомъ учебниковъ, что Ломоносовъ и Державинъ одни должны служить образцами высокой мысли и высокой рѣчи. Еще не умолкали оды къ Россіи, которому будто бы ничего больше не оставалось дѣлать, потому что его «великихъ дѣлъ полна вселенна», а уже новый гений русскаго просвѣщенія, Карамзинъ, не вѣдми покамѣсть признанный ради его новостіи, «въ сладостномъ упоеніи обнимался съ музами и мечталъ для потомства.» Что оставалось дѣлать талантливому человѣку, владѣющему только языкомъ престонароднымъ, да еще и не тѣмъ, на которомъ говорятъ земляки Державина и Карамзина? Оставалось идти по слѣдамъ Украинцевъ-анекдотистовъ, которые черпали содержаніе своихъ разсказовъ чаще всего изъ престонародного быта. Нашего взгляда на этотъ быть Котляревскій имѣть не могъ, по духу своего времени, а его время умѣло только смѣяться надъ тою сферою жизни, которая была ему больше всего извѣстна. Не смотря на множество дворянъ, подражателей Разумовскаго, въ нашей Украинѣ родной языкъ и родные обычаи не вывелись еще вообще между классомъ образованнымъ, и могла бы, по-видимому, существовать симпатическая связь между различными сословіями; но школы и высшіе по-тогдашнему круги общества представляли анти-народные образцы вкуса и самихъ нравовъ; все стремилось отдѣлиться отъ престонародной жизни, какъ отъ какого-то варварства, и, отдѣляясь болѣе или менѣе, оглядывалось назадъ не иначе, какъ со смѣхомъ и пренебреженіемъ. Котляревскій, будучи, по своей поэтической природѣ, самымъ выразительнымъ органомъ современнаго взгляда на вещи, высказалъ громче другихъ, писаннымъ и печатнымъ словомъ, что такое для него былъ нашъ народъ съ его своеобразною, не-чужеземною жизнью. Тотъ вѣкъ вообще былъ послѣдней пробой нашей народности, которая упала мало-помалу до безсознательнаго состоянія; но ничто не подвергло ее столь опасному испытанію, какъ пародія Котляревскаго. Пока съ человѣкомъ спорять, пока человѣка преслѣдуютъ злорѣчіемъ или клеветою, — онъ еще не погибъ во мнѣ-

нии своих приверженцев: они еще чувствуютъ въ немъ силы, вызывающія противодействие. Но когда его равнодушно осмѣиваютъ, — это послѣдній приговоръ живой, дѣятельной массы надъ человѣкомъ отжившимъ. Такъ именно осмѣивали во времена Котляревскаго украинскую народность, и только богатство скрытыхъ отъ толпы ея сокровищъ спасло ее отъ всеобщаго и окончательнаго отверженія. Самъ Котляревскій, какъ человѣкъ съ талантомъ, не могъ быть совершенно слѣпъ къ этимъ сопроvincамъ и заговорилъ въ послѣдствіи другимъ языкомъ о томъ народѣ, который ему, какъ семинариету, какъ домашнему учителю въ помѣщичьихъ семействахъ и армейскому офицеру, представлялся только съ каррикатурной своей стороны. Когда сличите первые три книги *Енеиды* съ остальными, вы увидите, что грубый, но искренній комизмъ измѣняетъ автору болѣе и болѣе, и наконецъ переходитъ въ насильственную каррикутуру. Самый языкъ, въ началѣ свободный и вѣрный образцамъ кабачной украинской бесѣды, подъ конецъ дѣлается неловкимъ и смѣшивается съ книжнымъ великорусскимъ. Можно это объяснять тѣмъ, что у автора не хватило комическаго дара на всю поэму; но едва ли не будетъ вѣрнѣе предположеніе, что, войдя въ жизнь народа посредствомъ смѣхотворнаго исчисления ея принадлежностей, авторъ смутно почувствовалъ беззаконіе своего смѣха и подъ конецъ смѣялся ужъ безъ искренности. Одинъ разъ онъ вовсе измѣнилъ своему тону и вдругъ, посреди балаганнаго разглагольствованія о войнѣ пьяныхъ царей и героевъ, мы слышимъ отъ него стихи вовсе не шуточные:

Такъ, вічної пам'яті, бувало
У насъ въ Гетьманщині колись,
Такъ просто військо шикувало,
Не знавши: стій, не шевелісь!
Такъ славні полкі козацькі:
Лубенський, Гадяцький, Полтавський,
Въ шапкахъ було, якъ макъ цвітуть...
Якъ грінуть, сѣнями ударять,
Передъ себѣ списи наставлять,
То мовъ метлою все метуть.

[Котляревскій былъ вѣренъ духу времени, и въ этомъ состоятъ, какъ его литературная заслуга, такъ и вредъ, который онъ нанесъ украинской словесности.] Его *Енеида* служитъ для насъ призмой, сквозь которую мы видимъ украинское простонародье въ томъ видѣ, въ какомъ оно представлялось отцамъ и дѣдамъ нашимъ; но та же самая поэма, концентрировавъ въ себѣ тогдашнія понятія о простонародномъ бытѣ, заклю-

нила передъ глазами современниковъ поэтическія и моральныя его стороны. Самъ Котляревскій, какъ уже сказано, освободился въ нѣкоторой степени отъ первоначальнаго своего взгляда на дѣло, но, будучи создателемъ своего вѣка и общества, и не обладая способностями гениальными, онъ былъ не въ силахъ возвыситься надъ ними такъ, чтобы твореніями свѣжими и энергическими пересоздать общественный вкусъ и общественныя понятія. Его пѣсня: *Віють вітри*, вѣроятно, не единственная сочиненная имъ пѣсня, не далеко ушла внутреннимъ содержаніемъ отъ русскихъ романсовъ его земляка Кашниста, и только языкъ и голосъ ея привели ее, черезъ барышень и ихъ прислугу, въ городской и подгородный народъ полтавскій, а потомъ распространили и по другимъ мѣстамъ въ Украинѣ. Но и самая эта популярность ея свидѣтельствуетъ, какъ далека была публика Котляревскаго отъ пониманія пѣсенъ народныхъ, которыя безконечно изящнѣе по формѣ и глубже по содержанію этого произведенія грамотнаго стихотворца. Будучи въ послѣдствіи частымъ гостемъ-анекдотистомъ у малороссійскаго военнаго губернатора, князя Рѣпина, Котляревскій написалъ для его домашняго театра двѣ пьесы: *Наталку-Полтавку* и *Москаля-Чарівника*. Обѣ онѣ говорятъ много въ пользу его природнаго таланта, но очень мало въ пользу его литературнаго вкуса. Авторъ знаменитой пародіи, разсмѣшавшій всю Украинну, умѣлъ отыскать въ украинской простонародной жизни трогательное рядомъ съ комическимъ и до извѣстной степени сообщить нѣкоторымъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ художественную индивидуальность; но его герои и героини часто выражаются языкомъ Доброправовыхъ, Правдолюбовыхъ, и терпимъ до сихъ поръ на сценѣ, въ исправленномъ видѣ, больше за свои костюмы и напѣвы. Но вслушайтесь, что они поютъ рядомъ съ куплетами изъ народныхъ пѣсенъ!... Въ ихъ пѣсняхъ, сочиненныхъ Котляревскимъ, столько же народнаго духа и вкуса, какъ и въ самыхъ монологахъ. Все таки въ этихъ пьесахъ Котляревскій шагнулъ далѣе, чѣмъ въ *Енеидѣ*, къ вѣрному изображенію украинскаго народа и обнаружилъ уваженіе къ его простымъ человѣческимъ чувствамъ. Природное чутье сценическихъ условій въ авторѣ и нѣсколько удачныхъ чертъ простонародныхъ нравовъ съ комической стороны поставили *Наталку-Полтавку* и *Москаля-Чарівника* выше многихъ, если не всѣхъ, пьесъ тогдашняго театра. Но, освободившись отъ легкомысленнаго смѣха надъ народомъ, Котляревскій впалъ тутъ въ другую крайность — въ аффектацію и сантиментальность, отъ которыхъ въ то время не былъ свободенъ ни одинъ русскій писатель.

Дѣ, Котляревскій служитъ печальнымъ доказательствомъ, въ какой

мѣръ каждый природный талантъ зависить не только отъ требованій вѣка, но и отъ вкуса окружающаго его общества. Это тѣмъ болѣе печально, что каждый сильный талантъ, выражая въ себѣ итогъ современныхъ понятій о жизни, утверждаетъ ихъ надолго въ своемъ обществѣ и даетъ законность господствующему въ немъ литературному вкусу. Сочиненія Котляревскаго, при всей своей каррикатурности съ одной стороны и аффектаціи или сантиментальности съ другой, сильно подѣйствовали въ свое время на всѣхъ, кому доступенъ былъ языкъ украинскій. Онъ былъ единственный писатель, воспроизведшій вѣми забытую или пренебреженную жизнь украинскаго простонародья. Онъ одинъ отдѣлился отъ хора писателей, твердившихъ на другомъ языкѣ, каждый по-своему: »О Россѣ, о подвигѣ исполина!« или въ сладостномъ упоеніи обнимавшихся съ чужеземными музами. Это его заслуги. Но его стихи, его простонародные образы, врѣзываясь въ память тогдашняго молодого поколѣнія, какъ единственные образцы украинской литературы, съ одной стороны, приучали смотрѣть на народъ, какъ на предметъ беззаботной шутки, съ другой — придавали его жизни чуждый ей, занесенный изъ другой сферы искусственный характеръ; и когда для этого молодого поколѣнія наступила пора высказать свой взглядъ на народъ въ свою очередь, — оно, въ произведеніяхъ новыхъ писателей своихъ, не могло вполне отдѣлаться отъ того, что можно назвать однимъ словомъ *котляревщина*. Комически-карикатурное и идиллически-сантиментальное, эти двѣ крайности произведеній Котляревскаго, сдѣлались Сциллою и Харибдою для живописцевъ украинской жизни, и только самые сильные изъ нихъ не были поглощены тою или другою пропастью. На помощь однимъ явилось уразумѣніе достоинства нашей простонародной жизни и поэзіи, на помощь другимъ — строгое изученіе нашего прошедшаго. Тѣмъ не менѣе котляревщина, съ той или другой стороны, отражается до сихъ поръ во многихъ, по видимому совершенно независимыхъ произведеніяхъ украинской словесности, не говоря ужъ о цѣлой массѣ плохихъ стиховъ и прозы, появившихся въ печати, или ненаходящихъ для себя издателя.

Причиной этому не одно литературное преемство авторовъ, неизбежно наслѣдующихъ еще въ нѣжномъ возрастѣ хорошее и дурное, вѣрное и ошибочное отъ своихъ предшественниковъ, не одно удаление отъ народа, обуславливающееся нашимъ воспитаніемъ и городскою, по большей части столичною, а не то — заграничною жизнью, но также и требованія вкуса той части общества, которую составляютъ первые и самые вліятель-

ные наши читатели. Большинство этих читателей, при всей своей литературной образованности, слишком мало знакомо съ памятниками украинской народной словесности и получило первыя понятія объ украинскомъ народѣ не отъ него самого, а отъ людей своего класса, изображавшихъ народъ, стоя на извѣстныхъ подмосткахъ. Наше читающее общество украинское сосредоточивается большею частью въ столицахъ; оно прямо или косвенно передаетъ свои воззрѣнія журналамъ; журналы, въ свою очередь, распространяютъ его по направленію своихъ радіусовъ въ массы грамотнаго городского народа, и такимъ образомъ дѣятели украинской словесности постоянно окружены особенною, не совсѣмъ здоровою атмосферою критическихъ сужденій, которая не можетъ не отражаться и на ихъ дальнѣйшихъ произведеніяхъ. Между тѣмъ преемственное вліяніе котляревщины вывѣтривается очень мало, по недостаточности указанныхъ мною противодѣйствій, и задерживается старыми и новыми литературными авторитетами, которыхъ до сихъ поръ еще не коснулась независимая критика, основанная на изученіи современнаго населенія Украины и ея прошедшей жизни. Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ мы покажемъ вліяніе или отголоски котляревщины не въ одномъ талантливомъ произведеніи украинской литературы; теперь же займемся самимъ Котляревскимъ.

Вглядываясь глубже въ его литературную личность, нельзя не замѣтить на ней отпечатка меценатства, котораго искали вообще русскіе писатели его времени, которымъ они болѣе или менѣе даже гордились передъ людьми, не имѣющими доступа въ знатный кругъ, и которому охотно, съ какой-то дѣтской угодливостью подчиняли свои способности. Мы не входимъ здѣсь въ насущные побужденія, управлявшія тогдашними писателями, для которыхъ *общество*, въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, еще не существовало, и обращаемъ вниманіе читателей на голый фактъ. Котляревскій былъ принятъ, какъ гость, въ домахъ князя Куракина, князя Лобанова-Ростовскаго, князя Решнина, графа Кочубея, графа Ламберта и генерала Бѣлухи-Кохановскаго; словомъ, его влекло всюду, гдѣ пахло знатностью и богатствомъ, хотя, съ другой стороны, его, конечно, привлекала туда и образованность домашнихъ круговъ (но какая!). Онъ не ограничивался чтеніемъ своей *Енеиды*, подъ веселый часъ, въ кругу снисходительныхъ своихъ меценатовъ. Онъ угощалъ ихъ смѣшными анекдотами, которыхъ основаніемъ чаще всего было невѣжество простолюдина, говорившаго, вмѣсто *молебень*, *белебень*, воображавшаго, что при освященіи во-

ды необходимо крикнуть на народъ: *не товптесь!* и т. п. ⁽¹⁾. Чтобы наполнить часы протекторскаго досуга иными развлеченьями, онъ сочинилъ двѣ театральныя пьесы и, вѣроятно, сочинилъ бы ихъ гораздо больше, еслибы встрѣтилъ больше поощренія. Но меценаты Котляревскаго, видно, зѣвали, смѣясь курьезнымъ выраженьямъ такихъ лицъ, какъ Волыный и Супрунъ, а серьёзныя части пьесъ, въ которыхъ выставлены достоинство убогой жизни и постоянство любви, не внушали имъ особеннаго сочувствія, — и Котляревскій остановился на первыхъ опытахъ своего драматизма, вызванныхъ, очевидно, не потребностью самодѣтельнаго творчества, не настоятельной нуждою дѣятельной среды, а случайнымъ внушеніемъ небольшого кружка, искавшаго въ его пьесахъ легкой забавы. По духу своего времени, онъ не могъ видѣть въ украинской литературѣ занятія столь же серьёзнаго, какъ и служба, и, вѣроятно, смотрѣлъ на свой талантъ, какъ на одно изъ средствъ расположить въ свою пользу перваго человѣка въ обществѣ, котораго благосклонность возвышала его въ глазахъ другихъ отставныхъ капитановъ и могла увеличить, какъ и дѣйствительно случилось, его средства къ существованію. Доказательствомъ этому служить, между прочимъ, сочиненная имъ похвальная ода малороссійскому генераль-губернатору, князю Куракину, наполненная грубою лестью. Кстати помѣстимъ ее здѣсь, какъ неизвѣстную еще доселѣ въ печати:

Гей, Орфію пебораче!
 Де ти змандрувавъ відъ насъ?
 Якъ би тільки ти, козаче,
 Мні підъ сей згодівся часъ!
 Кажуть про тебе издѣвна,
 Що у тебе кобза гарна,
 Кобза дівная така,
 Що якъ забриньчишь рукамі,
 То и гори зъ байраками
 Стануть біти гоцака.

Глянь, Орфію, глянь изъ нѣба,
 Дай кобзурі мні своѣй:
 Мні играти пісню треба,
 Пісню гарную на ней,
 Треба голось підімати,
 Зъ новимъ гідомъ поздравляти

⁽¹⁾ Намъ сообщено рукописное собраніе анекдотовъ Котляревскаго, помы не хотимъ утомлять читателей пересказываньемъ болтовни, которая потеряла свое забавное значеніе съ перемѣною взгляда на вещи.

Пана милого того,
 Що и паномъ быть уміе,
 И, якъ батько, не жаліе
 Животá для насъ свого.

Алексію, любий пане!
 Я про тебе річъ почавъ,
 Да боюсь, якъ словъ не стане,
 Щобъ ти мні не накричавъ,
 Бо я напередъ признаюсь,
 Що я зъ мұзами не знаюсь,
 Тільки тріхи чувъ про нихъ.
 Да и мұзи лобъ нагріють,
 Поки проспівать успіють
 Половину ділъ твоїхъ.

Я про те мовчати бұду,
 Що стрічками скрученъ ти,
 Що на тобі, мовъ на чұду,
 Де не глянешъ, все хресті;
 Що пельзі зглінуть очіми
 На жупанъ твої за звїздами,
 Якъ на сонце середъ дня,
 Що одъ стрічокъ ший гнётца,
 Що иззаду ключъ товчётца.
 Все, мабұдь, се не бриднѣ!
 Не Чернігівъ, не Полтава
 Сее все тобі далá:
 Знатъ, давнó, про тебе слава
 Въ Петербұрсі загула;
 Знатъ, ти добре тамъ труждався,
 Не по запечку валився,
 Що попавъ царіо підъ ладъ.
 Знавъ и царь, съ кимъ подружити,
 На когó ярмо зложити;
 Ажъ теперъ и самъ вінъ радъ.
 Радъ вінъ, що ярмо ти тїгнешъ,
 Не гнучись, якъ добрий вїлъ;
 День и нічъ відъ поту мѣкнешъ,
 Добре робишъ, скільки силъ.
 Радъ сказати правду-матку,
 Що крутенькую загадку
 Нашимъ ти задавъ панамъ;
 Бо, щобъ мали чисті дұши,
 Щобъ держали стро́го ўши,
 Ти собі їхъ ўчинишъ самъ.

И до-віку не забұду,
 Якъ разъ я къ тобі прийшовъ....

Ахъ, мій Боже, скільки лѣду
 Всього я тутъ найшовъ!
 Півні сїни, півна хата
 Нашого набита брата,
 Ажъ нельзя пропхнутись мнѣ,
 А попівъ, купцівъ да панства
 И жидівъ, тогѣ плюгавства,
 Мовъ на ярмарку въ Ромні!
 Всі жъ не зъ балами стояли,
 Всі були по ділу тутъ,
 Папіркі въ рукахъ держали,
 Хто багачко, хто лоскутъ;
 Хто чоломъ бивъ на сусїда,
 Хто на пана-людоїда,
 А по-прѣсту — на суддю,
 Що за цукоръ да за грѣши
 Изробивъ судъ нехоробий,
 Цїлу розоривъ семью.
 И такихъ було доволї,
 Що прохали на панівъ,
 Що панї, по їхъ злій волї,
 Не дають пахати нивъ;
 Що козацькими землями,
 Сїнокѣсомъ и полїми
 Вередують, мовъ своїмъ.
 Судъ у правду не вникає,
 За панами потакає,
 Щобъ було їмъ и їмъ.

Не прогнївайсь, Алексїю,
 На нескладну рїчъ мою,
 Що я говорити смію,
 Про писарню ще твою.
 Разъ мнѣ бути тамъ довелось...
 Олє жъ, скільки тамъ товклось
 За столїми писарівъ!
 Тамъ папєрівъ кучи, кучи,
 Писарівъ тамъ тучи, тучи,
 Мовъ въ Петрівку косарівъ.
 Пішуть, пішуть, да й несутьца,
 Щобъ ти подививсь, чи такъ.
 Треба жъ тутъ тобі надутьца,
 Треба знать, підправити якъ;
 Треба всякую папіру
 Привести якъ разъ до шнїру,
 Підвести все підъ закѣтъ!
 Ніколи борщъ сѣрбнїти,
 Ніколи у-смакъ заспїти, —
 Ти забувъ на хлїбъ, на сонъ.

А про жінку да про діти
 Думати тобі коли,
 Щобъ обути и одіти
 И не голодні булі?
 Ні, про се ти не згадаєшь:
 Жінку ти другую маєшь,
 Дочки синь тобою забуть.
 Жінка у тебе — Полтава,
 Синь — Чернігівъ, честь же, слава —
 Дочки; отъ весь рідъ твій тутъ!
 Мовъ тобі чернець одъ міру,
 Одцуравсь ти одъ двора:
 Знай въ Полтаві мнешъ папіру,
 А додому не порá.
 Що жъ тобі изъ той Полтави?
 Ти и такъ добівся слави,
 Да якби — гай, гай, гай!
 Одпочинь же, пане, тріхи:
 Ти уже притупавъ нѣги, —
 Тупає другій нехай.
 Пáнство здай своє другому
 И здоровья не терйи,
 Попилиуй підъ старість дому,
 Бо у тебе дома рай.
 Тутъ всі, якъ на батька діти,
 Бѣдуть на тебе гледіти,
 Да ще чи не лѣчшь, мабуть:
 Тутъ, по правді якъ сказати,
 Всі тобі, якъ Бѣгу, раді,
 Всі тебе, якъ Бѣга, ждуть.
 Да бѣда моя! я бачу,
 Сей не по тобі совіть.
 Ти такі свою удачу
 И на той потягнешъ світь.
 Пѣки вибѣсся изъ сѣли,
 Пѣки пійдешъ до могіли,
 Бѣдешъ хлопцемъ на другіхъ.
 Уродівся ти на правду,
 Улюбівся такъ у славу,
 Якъ у дівчину жепіхъ.

Ну, коли жъ такий ти, пане,
 Що для слави лишъ живешъ,
 То къ тобі смерть не пристане,
 Ти ніколи не умрешъ.
 Хоть попі не забурмѣчуть,
 Хоть співати не захѣчуть
 Вічну пам'ять по тобі,
 То прохати їхъ не треба,

Бо и такъ підъ саме небо
 Пáмать ти зробивъ собі,
 Сée не умрє ніколи,
 Що ти робишъ всімъ добрò,
 Да и робишъ зъ доброй воли,
 Не за грòши и срібло.
 Скільки удовáмъ ти біднимъ,
 Скільки сиротамъ посáднимъ,
 Скільки, скільки слáзъ утєрь!
 Скільки взявъ людéй ти зъ грáзи
 И, якъ кáжуть, ажъ у князі,
 Ажъ у князі їхъ упєрь!

Не умрє, хотъ побожítця,
 Слáва не умрє тво́я:
 Слáва съ тiломъ не ложítця
 У моги́лу ні́чнй.
 Хотъ же смерть къ то́бі прискóче,
 Слáви вь зéмлю не спитóче:
 Загудє вона́ якъ громъ.
 Тутъ и прáвда візьме сiлу,
 Прийде на твою моги́лу
 И напи́ше такъ перо́мъ:
 »Дiво тутъ понi зробiли,
 Дiво дiвнее изъ дивъ:
 Вь зéмлю мертвецi зарiли,
 А мертвець той и ожiвъ.
 Бáчця, добре заривáли,
 Бáчця, грiмко всі спiвáли
 Пáмать вiчною надъ нимъ;
 Оглiнулись неборáки,
 Ажъ князь Алексiй Курáкинъ
 Все живъ по дiлáмъ своїмъ!«

Пóки жъ сée дiво бiде,
 Поживi хотъ стiлько ти,
 Скільки живъ, якъ кáжуть лiбе,
 Вь свiтi Мауcáль святiй.
 Будь здоровъ изъ нóвимъ гóдомъ,
 И надъ нáшимъ ще нарóдомъ,
 Ще хотъ трóхи попануй.
 Трóхи!...ой колибъ багáцько!
 Бо ти нашъ и панъ и бáтько.
 А на бiльше не здивуй.

Въ этой одѣ выразилась confession de foi Котляревскаго. Высокое и великое было для него то самое, что и для безвѣстно исчезнувшихъ со-временныхъ ему льстецовъ и подлипалъ. Но въ этихъ уродливыхъ, ан-

тинародныхъ виршахъ высказывается, однакожь, добрая душа стихотворца: онъ не позабылъ напомнить князю Куракину о послѣднемъ расхищеніи козацкихъ займанщинъ, купленныхъ дорогою цѣною у Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Киселей и имъ подобныхъ господъ подѣ Зборовымъ, Берестечкомъ и пр. и пр. Онъ справедливо хвалить князя Куракина за помощь вдовамъ и сиротамъ. Онъ противопоставляетъ его нашимъ панамъ-чиновникамъ, хотя, разумѣется, ему и въ голову при этомъ не приходило взвѣсить на однихъ и тѣхъ же вѣсахъ наживу по мелочамъ отъ судо-производства и полученіе закулисными средствами арендъ съ полумиллионными доходами, или крупныхъ суммъ на уплату безумныхъ долговъ. Прибавимъ еще, что Котляревскій въ нѣкоторой степени оправдывалъ свойственную его времени низкопоклонность передъ знатными ходатайствомъ у нихъ въ пользу полтавскихъ козаковъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своей одѣ, что было бы для него невозможно, еслибъ онъ шелъ по слѣдамъ высокаго духомъ, но, къ сожалѣнію, подавленнаго схоластикою украинскаго философа Сковороды. Впрочемъ одно ли стремленіе помогать притѣсненнымъ влекло его въ общество людей, подобныхъ князю Куракину? Мы имѣемъ основаніе въ этомъ сомнѣваться. Въ то время на Украинѣ еще не вывелось старое, наслѣдованное отъ Поляковъ прислуживанье знатному человѣку, въ видѣ панскаго придворнаго, такъ называемаго *дворянина* (dworzanin), который немногимъ отличался отъ лакея и вѣчно чаялъ отъ богача какихъ-то неопредѣленныхъ благъ и даваній. Наши мелкопомѣстныя панки, отставные офицеры, какъ Котляревскій, часто исправляли у богатыхъ своихъ земляковъ должности въ родѣ польскаго *маршрка двору* безкорыстно, за ласковое слово и за удовольствіе участвовать въ забавахъ людей такъ называемаго высшаго круга; но многіе изъ нихъ не упускали случая получить отъ своего милостивца подарокъ, котораго цѣнность превышала ихъ собственныя средства. Такъ въ жизни Котляревскаго мы знаемъ фактъ, опредѣляющій его мѣсто въ домахъ, которые онъ, очевидно, предпочиталъ обществу людей своего сорта. Одинъ изъ пріятелей покойнаго автора *Енеиды*, въ воспоминаніяхъ своихъ, рассказываетъ, между прочимъ, слѣдующее:

»Когда Викторъ Павловичъ Кочубей, бывшій еще графомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, пріѣзжалъ въ свое помѣстье Диканьку, Котляревскій былъ очень ласково принимаетъ имъ. Графъ нарочито присылалъ за нимъ и любилъ слушать его *разказы*. Котляревскому *хотѣлось* выпросить у графа подгородный лугъ, принадлежавшій графу, и вотъ, за обѣдомъ, онъ подучилъ одного изъ сыновей графа, бывшихъ

тогда дѣтми, сказать отцу: »Подари, папа, Ивану Петровичу *лукѣ*«. По сынокъ не совѣмъ понималъ слово и просилъ отца подарить Ивану Петровичу *лѣку*. Графъ догадался, въ чемъ дѣло, и исполнилъ желаніе Котляревскаго. Разсказъ этотъ я самъ слышалъ отъ Котляревскаго. «

Тѣмъ же, вѣроятно, способомъ получилъ Котляревскій отъ мало-россійскаго генераль-губернатора, князя Лобанова-Ростовскаго, мѣсто надзирателя Полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ дворянъ, черезъ два года по выходѣ въ отставку. Поступленіе на службу можно объяснять его рвеніемъ къ общей пользѣ; но до насъ дошло преданіе о его суровости къ воспитанникамъ и мелочной придирчивости для улучшенія внѣшняго ихъ вида. Впрочемъ, зная Котляревскаго какъ человѣка добраго и благотворительнаго изъ другихъ источниковъ, мы готовы объяснять эту суровость и придирчивость рутинною тогдашняго воспитанія и наслѣдственнымъ убѣжденіемъ Котляревскаго, что иначе и не слѣдуетъ поступать со школьниками. Какъ бы то ни было, только, параллельно съ преданіемъ о суровомъ управленіи дворянскою школою, офиціальная хроника гласитъ, что въ 1817 году Котляревскій, за улучшеніе этого заведенія, награжденъ чиномъ майора (не смотря на то, что служба была штатская), брилліантовымъ перстнемъ и пенсією въ 500 р. асс. Тутъ невольно вспомнишь и его забавные анекдоты въ кругу знатныхъ людей, и его похвальные оды. Въ 1827 году, Котляревскій получилъ мѣсто попечителя полтавскаго богоугоднаго заведенія; въ 1835 году ему дали полную пенсію сверхъ прежде пожалованной; въ 1838-мъ онъ скончался, украшенный разными знаками отличій, въ томъ числѣ и пряжкой за тридцатилѣтнюю безпорочную службу. Такимъ образомъ все въ жизни Котляревскаго обстояло благополучно, какъ и вообще у поэтовъ его времени и его разряда. Онъ относился къ людямъ по обще-принятому образцу; онъ сдѣлалъ изъ своихъ способностей столько, сколько отъ него требовало его общество. Угождать знатымъ, по понятіямъ его вѣка, было свидѣтельствомъ отличнаго ума, умѣющаго обратить на себя вниманіе государственныхъ мужей, которые тогда заправляли всѣмъ, не исключая и самой литературы. Выпрашивать у нихъ подарки, — этотъ актъ освящался преданіями украинскаго дворянства, выросшаго при дворахъ польской знати, ловко пересаженнаго на всероссійскую почву подъ сѣнью козачества и продолжавшаго житьея отъ щедротъ своихъ богатыхъ представителей. Что касается до тридцатилѣтней безпорочной службы, засвидѣтельствованной пряжкой, то она объясняется двойною пенсією, которая должна была обезпечить одинокую его старость.

Въ тѣ времена этотъ способъ обезпеченія старости былъ у небогатыхъ дворянъ всеобщимъ, такъ какъ все находилось подъ непосредственной опекой государства, и *общество* въ нынѣшнемъ смыслѣ слова еще не существовало. Распространяться обо всемъ этомъ было бы неумѣстно въ критикѣ, еслибы характеръ и обстановка жизни писателя не имѣли рѣшительнаго вліянія на его произведенія. Подобно тому, какъ духовныя академіи и семинаріи, отторгнутыя отъ народа искусственностію своей морали, не дали живому обществу ни одного поэта, подобно тому и всякая искусственно созданная жизнь подавляетъ въ своихъ питомцахъ здоровый поэтический даръ, извращаетъ его внушенія и придаетъ плодамъ его отталкивающую мертвенность. Поэзія возвышаетъ свой голосъ въ такой затхлой средѣ не иначе, какъ въ видѣ жалобы или протеста, и поэтому-то сатирики въ каждой искусственно заведенной литературѣ стоятъ, въ глазахъ потомства, безконечно выше тѣхъ писателей, которые брали ноты, согласныя съ общими убѣжденіями своей среды. Котляревскій, по своему природному таланту, могъ бы въ сатирѣ уйти далеко отъ своихъ драматическихъ пьесъ; но, будучи постоянно въ зависимомъ положеніи, онъ не смѣлъ, еслибы и могъ, бросить сатирическій взглядъ на существенные недостатки современнаго ему порядка вещей. Онъ, только прикинувшись юродивымъ мужикомъ въ своей *Енеидѣ*, изрѣдка осмѣливается назвать пороки свѣтскихъ и духовныхъ людей, тяготѣвшіе надъ украинскимъ народомъ; но каррикатура простонароднаго быта, проведенная чрезъ всю его *Енеиду* (а *Енеидою* не переставалъ онъ заниматься до конца жизни) уничтожаетъ въ немъ и послѣднее достоинство во сатирѣ. Между тѣмъ смѣхъ Котляревскаго былъ заразителенъ, такъ какъ въ немъ заключалась вся сила его таланта, и читатель его времени, чуждый нашего взгляда на простонародье, хохоталъ безразлично и надъ тѣмъ, что судья за новый мундиръ переименовалъ дѣло, рискуя Сибирью, и надъ стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Чи бачишь, якъ ми обідрались!
Убрання, постолі порвались....

Подобная картина въ наше время не разсмѣшитъ никого, потому что выяснены нами причины неестественной бѣдности народа посреди края, богатаго естественными произведеніями. Въ эпоху Котляревскаго смѣхъ былъ не очень разборчивъ въ выборѣ предметовъ и преимущественно обращался на тѣхъ, кто не успѣлъ выкарабкаться изъ грязи и занять мѣсто посреди чистенькихъ господъ, обезпечившихъ свою благоприличную

жизнь сотнями такихъ людей, какими, въ приведенныхъ стихахъ, представлены Троянцы. Вредъ *Енеиды* со стороны ея комизма очевиденъ: эта книга дѣлала забавною жизнь простолюдина, осужденнаго на невѣжество самой нуждою и удаленнаго отъ близкаго общенія съ классами болѣе образованными. На бѣду, она имѣла еще успѣхъ, въ тѣ времена необыкновенный. Она какъ разъ пришлась по вкусу грамотной части Украинцевъ, извѣстно какими способами выдѣлившейся изъ темной массы народа, и долго ходила въ рукописи. Потомъ ее напечатали однимъ, другимъ и третьимъ изданіемъ, и все это сдѣлалось уже библіографическою рѣдкостью. Этимъ объясняется, почему до сихъ поръ у насъ не переводятся писатели въ родѣ г. Ващенко-Захарченка или г. Карпенка: всѣ они — воспитанники Котляревскаго и псачадія уродливой пародіи, которую разнесла его *Енеида* между армейскими офицерами, чиновниками, помѣщиками, лакеями, писарями, семинаристами и всякимъ инымъ грамотнымъ людомъ, возвышающимся надъ неграмотною частью украинскаго населенія, надъ тою частью, которая, своими пѣснями и обыденною своею рѣчью, дала нашимъ новымъ писателямъ истинно народный тонъ словесности, какъ въ комическомъ, такъ и въ патетическомъ родѣ. Они-то мало-помалу остановили вліяніе котляревщины на литературный вкусъ публики; они отвергли искусственную юрковость рѣчи, которою пропитана вся *Енеида*, и, заговоривъ, во имя своего народа, съ сознаніемъ достоинства украинскаго характера, открыли юной своей словесности безпредѣльную область развитія. Послѣ повѣстей Квитки и поэмъ Шевченка, не только *Енеида*, но и театральные пьесы Котляревскаго сдѣлались анахронизмами для современнаго чтенія и получили дѣйствительность только первыхъ памятниковъ, первыхъ попытокъ украинской словесности. Сравнивая ихъ съ произведеніями этихъ писателей, мы съ удивленіемъ видимъ, какъ неясно представлялась Котляревскому жизнь, которую онъ очевидно зналъ не по слухамъ, какъ онъ небрежно вглядывался въ ея законы, какъ хаотически смѣшивалъ онъ въ своихъ описаніяхъ разныя ея принадлежности (!) Самый языкъ, которымъ онъ говорилъ съ дѣтства и которымъ владѣлъ, мѣстами, въ совершенствѣ, не пользовался его уваженіемъ, ибо онъ вводитъ въ него, безъ всякой жалости, сло-

(¹) Напримѣръ:

Свинячу глову до хрину
 И лѣкшину на переміну,
 Потімъ съ підлѣвою индикъ.
 На закуску (!) кулішъ и кашу.... (Ч. I.)

ва, окончанія и цѣлыя выраженія чисто великорусскія ⁽¹⁾. Но главный абсурдъ *Енеиды*, это то, что въ ней простонародью украинскому навязаны пороки, которые могли бы характеризовать только худшую часть тогдашняго украинскаго населенія, именно — чиновное панство, поврежденное въ здоровыхъ основаніяхъ своей народности и недостигшее утонченности нравовъ и обычаевъ на иноземный образецъ. Онъ до того увлекся своимъ каррикатурнымъ комизмомъ, до того обезобразилъ украинской народъ своей пародіей, что и его природный талантъ, и знаніе языка украинскаго, и множество характеристическихъ подробностей простонароднаго быта — все это гибнетъ попусту на ложной дорогѣ, указанной ему его вкусомъ и обществомъ. Между его типами и худшими типами зараженнаго отчасти его вкусомъ Квитки существуетъ только отдаленное національное сродство. Между его типами и типами независимаго въ своемъ творчествѣ Шевченка — никакого. Его пародія не потому потеряла для насъ цѣну, что время пародій давно миновало для всѣхъ литературъ: она отталкиваетъ насъ нарушеніемъ естественности отношеній между дѣтьми и родителями ⁽²⁾, между мужчинами и женщинами ⁽³⁾, между бога-

(1) Напримѣръ: *Барановъ* тьма булѣ варѣнихъ,
Курѣй, гусѣй, качобкѣ печѣнихъ,
До сѣта, щобъ було всімъ пстѣ.

Или: Коли жъ вінъ буде й ще *млькати*,
То дамъ себѣ ёму я знати. (Ч. I.)

Или еще: По горобу тогді *гуляла*,
Коли Троянцівъ *повстрѣчала*. (Ч. I.)

(2) Какая пародія и карриатура можетъ дозволять подобную шутку въ воспоминаніяхъ сына объ отцѣ:

Въ сей день ёго отецъ опрыгся,
Якъ чыкльдихи обіжрався.... (Ч. I.)

Или такую рѣчь сына о матери:

И пѣнечка моя ріднѣнка
У чорта десь теперъ гуля,
А мѣже спить уже п'янієнка,
Абѣ съ хлопцями ганя.
Теперъ їй, бачу, не до солі:
Ужѣ, підтікавши десь полі,
Фурціѣ добре нависна.
Коли самѣ съ кимъ не поцѣе,
То для когось уже свашкѣ:
Для сѣго тяжко поспішнѣ! (Ч. II.)

(3) Котляревскій описываетъ Дидону такъ:

Розумна пані и мотѣрна....
Трудяца, дуже працѣвита...

ни и смертными ⁽¹⁾, въ какомъ бы слоѣ общества, въ какой бы нелѣпой національности ни помѣстили мы дѣйствіе перелицованной *Енеиды*. Котляревскій, обойдѣсь съ своимъ предметомъ насильственно, безъ всякаго къ нему уваженія, перешелъ за предѣлы смѣшного и впалъ въ карикатурно-безобразное. А вѣдь пародія — не карикатура, да и сама карикатура только тогда можетъ нравиться сколько-нибудь образованному глазу, когда она не вырывается изъ предѣловъ смѣшного и не переходитъ въ уродливое.

Итакъ, характеризуя Котляревскаго тогдашнимъ вѣкомъ, а тогдашній вѣкъ Котляревскимъ, мы останавливаемся на слѣдующемъ выводѣ: что Котляревскій былъ одинъ изъ множества талантливыхъ людей, которыхъ уничтожали у насъ духовныя училища и воспитываемое ими наше общество; что онъ, по природнымъ задаткамъ, былъ родной братъ нашихъ безыменныхъ поэтовъ, сложившихъ столько прекрасныхъ думъ и пѣсень, въ удаленіи отъ образованнаго по тогдашнему времени круга людей; что, не будь онъ воспитанникъ семинаріи и безсмѣнный членъ чу-жеземно-украинскаго общества, онъ бы глубже уразумѣлъ дѣло украинскаго писателя; что его пьесы: *Наталка-Полтавка* и *Москаль - Чарівникъ*, написанныя въ одномъ и томъ же году, показываютъ въ немъ инстинктъ таланта, но что этотъ инстинктъ былъ въ немъ подавленъ окружающею его средою и уже не пробуждался до конца жизни; что самая

Она, повстрѣчавъ Троянцевъ, спрашиваетъ:

Відкіль такі се гольцяки?...
Якій васъ врагъ сюді нап'равивъ?...
Яка жъ ватага розбишакъ!

и потомъ та же *розумна и процвіта пані*, черезъ нѣсколько стиховъ, говорить оборвишамъ-розбишакамъ:

Колибъ молодці
Енея в'ашого зл'ап'ала,
Ужé бъ тоді весéла ста́ла,
Тоді бъ велі́къ-день бувъ би намъ!

Въ чемъ тутъ смѣшное? развѣ въ поруганіи женскихъ достоинствъ и въ отрицаніи всякаго моральнаго чувства въ женщинѣ, которая ни съ того, ни съ сего выражаетъ передъ бродягами желаніе зл'ап'ать ихъ атамана, о которомъ сами они отзывались такъ:

Енсі́й навівъ на насъ ма́ну? (Ч. I.)

(¹) Обращу вниманіе читателя на безобразную брань Енея, обращенную вмѣсто молитвы, къ богамъ (ч. II.)

Гей ти, прокля́тий старига́ню!
На зéмлю зъ не́ба не зирне́шь? и проч.

Гдѣ тутъ комическая естественность отношеній?

личность его, по природѣ своей благородная и возвышенная, много пострадала отъ нездоровой атмосферы общественныхъ понятій, которую онъ постоянно былъ окруженъ. Всё же слѣдуетъ сказать, что общій гость жителей Полтавы — отъ просвѣщеннѣйшаго человѣка до едва грамотнаго козака — признаетъ за нимъ щедрость, благотворительность и готовность принять участіе въ каждомъ гонимомъ несправедливо и убогомъ человѣкѣ. XVIII вѣкъ былъ худшій изъ всѣхъ вѣковъ, въ которые существовала наша нація. Упадокъ нашъ коснулся въ немъ крайнихъ своихъ предѣловъ. Имѣя это въ виду, мы не должны быть слишкомъ строги къ Котляревскому, какъ къ литературной и общественной личности. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ Украинцевъ, которые прямо или косвенно повели насъ еще съ того времени къ нынѣшнему нашему самосознанію. Но письменная украинская словесность всё таки не можетъ видѣть въ немъ своего родоначальника (въ противность многимъ изъ его почитателей), потому что онъ былъ слишкомъ еще далекъ отъ уразумѣнія поэзіи обычаевъ народныхъ и поэзіи народныхъ преданій. Къ этому дѣлу призваны были два другіе писателя, Квитка и Шевченко. Литература наша, въ нынѣшнемъ своемъ направленіи, непосредственно отъ нихъ ведетъ свое происхожденіе. Освобожденіе отъ котляревщины служить однимъ изъ доказательствъ ихъ родственности съ гениемъ нашего народа, или, что все равно, съ гениемъ жизни. По направленію творчества Котляревскаго, идти далѣе было некуда; по направленію Квитки и Шевченка, лежитъ далекій, неизмѣримый путь къ литературному нашему развитію.

П. Кулишъ.

18 декабря 1860.

С. Петербургъ.

МѢСТА ЖИТЕЛЬСТВА

и

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ РУСИНОВЪ

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ⁽¹⁾.

Писахъ не мудрствуя лукаво, но лже слышахомъ отъ достовѣрныхъ людей и лже видѣхомъ очима своими».

Котошихинъ.

Въ настоящее время, Южноруссы, Малоруссы, или, правильнѣе, Русины, живутъ, въ *Россіи*, сплошною массою, въ губерніяхъ: Полтавской, Харьковской, Кіевской, Волынской и Подольской, а также въ землѣ Черноморскихъ Козаковъ. Кромѣ того, Русины занимаютъ мѣста въ Черниговской губерніи, къ югу отъ рѣки Десны, (къ сѣверу отъ Десны живутъ Бѣлоруссы), въ Курской губерніи къ югу отъ рѣки Сейма и весь Суджанскій уѣздъ; въ Воронежской, къ западу отъ рѣки Дона; въ Екатеринославской и Херсонской составляютъ главную массу населенія; Азовскіе козаки (бывшіе Запорожцы, вышедшіе изъ Турціи въ 1828 году), въ Азовскомъ градоначальствѣ; въ Таврической губерніи къ сѣверу отъ Перекопа; въ Бессарабской Области заселяютъ Хотинскій уѣздъ; въ Люблинской губерніи *Царства Польскаго* составляютъ двѣ трети

⁽¹⁾ Предлагаемая статейка, можно сказать, первая въ своемъ родѣ. Въ печати говорилось объ означенномъ въ заглавіи предметѣ какъ-бы мимоходомъ ⁽²⁾, и мнѣ, по-неволѣ, пришлось писать, большею частью, на основаніи собственныхъ наблюденій и по вопросамъ у людей, болѣе или менѣе свѣдущихъ, бывалыхъ. Поэтому, буду просить читателей быть снисходительными къ могущимъ встрѣтиться, въ моей статьѣ, неточностямъ и ошибкамъ, и указать ихъ въ «Основѣ». Я желалъ только вызвать другія статьи въ этомъ родѣ и, такимъ образомъ, достигъ подробной обработки свѣдѣній, которыя послужили бы къ составленію народописной карты Русинскаго народа.

⁽²⁾ Самая подробная статья принадлежитъ г-ну Дешко о Карпато-Руссахъ, помѣщенная въ Кіевлянинѣ 1841 г., изд. М. Ал. Максимовичемъ.

населенія (всѣ Уніаты); въ Гродненской губерніи заселяютъ Пинскій уѣздъ (Пинчуки). Въ *Галиціи*, Русины составляютъ сплошную массу населенія къ востоку отъ рѣки Сана; въ *Венріи* сплошной массой занимаютъ Мармаришскую, Беречскую, Угоцкую и Унгварскую столицы (комитаты) и большую часть Сукмарской, Саболчской и Землинской, а также часть Шаришской столицы. Въ *Буковинѣ*, Русинское племя составляютъ треть населенія. Малоруссы поселены также мѣстами по Волгѣ и въ Сибири, за Байкаломъ, еще со временъ Петра I, и въ Турціи, въ такъ называемой Добруджѣ, т. е. въ углу, образуемомъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Эти послѣдніе суть потомки Запорожцевъ, ушедшихъ въ Турцію при Екатеринѣ II и бѣглыхъ русинскихъ крестьянъ, и называются тамъ *Бутколами*.

Русины, по происхожденію, быту и языку, представляютъ одно племя, но по мѣсту жительства носятъ различныя наименованія, а именно:

Гетманьці — жители Черниговской губерніи, или, вѣрнѣе южной ея части, потому что живущіе къ сѣверу отъ Десны извѣстны у сосѣдей подъ именемъ Литвиновъ.

Степовикій — жители Полтавской и Екатеринославской губерній.

Украиньці — жители Кіевской губерніи, которая называется Украинною.

Польшакій — жители Подольской губерніи, называемой у просто-народья *Польшею* ⁽¹⁾.

Поліщукій — жители Полѣсья.

Патлачі — Русины, живущіе въ Бессарабіи и Буковинѣ; названіе получили по длиннымъ волосамъ (*pátли*), ими носимыхъ.

Пинчукій — жители Пинскаго уѣзда Гродненской губ.

Южноруссы Люблинской губерніи сохранили свое древнее названіе *Русиновъ*. Въ Галиціи, жители плоской ея части также называются *Русинами*, или *Русняками*.

Гуцулі — Русины, живущіе по Карпатамъ, (у туземцевъ называемыхъ: Горбы, Верхи и Бескиды). — По венгерски *гуцуль* значитъ разбойникъ. Это названіе дано русинскимъ горцамъ за ихъ отчаянную защиту православной вѣры, въ то время, когда Венгры вводили у нихъ унию. Впослѣдствіи, когда со словомъ *Гуцуль* стало нераздѣльно понятіе о храбрости человѣкѣ, эти горцы съ гордостью начали сами называть себя этимъ именемъ.

⁽¹⁾ Въ Новороссіи нерѣдко называютъ *Польшею* Волынь и Украину, т. е. Кіевскую губ.

Въ Венгріи, живущіе въ горахъ Русины называются *Лишакáми*, а въ долинахъ — *Лимакáми*, по часто-употребляемымъ ими въ разговорѣ частицамъ *лиш* и *лем*.

Сотаки, живущіе въ Шаришской столицѣ, составляютъ переходъ отъ Русиновъ къ Словакамъ.

Бойки — жители юговосточной части Галиціи.

Шляхтичами называются Русины-католики, въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ.

Я выше сказалъ, что эти замѣтки составлены, отчасти, по моимъ собственнымъ наблюденіямъ. Для будущихъ изслѣдователей, считаю не лишнимъ замѣтить, что при переѣздѣ чрезъ какую либо мѣстность, для опредѣленія къ какой народности принадлежатъ жители, должно обращать вниманіе, между прочимъ, на женскія и мужскія одежды, особенно на головные уборы, также на характеръ построекъ. Такъ, напримѣръ, шапка бѣлая (*яломѣкъ, магѣрка, маргѣлка*) войлочная, у мужчины, бѣлый платокъ (но не *намітка*) у женщины — это Литвины или Бѣлоруссы; темная шапка на мужчинѣ, темный или цвѣтной платокъ на женщинѣ — Русины. Если же въ темной шапкѣ (войлочной) есть хоть немного бѣлага, вслушайтесь въ говоръ — и вы непременно замѣтите бѣлорусскій акцентъ. Хата бѣленая, съ окнами продолговатымъ четырехъ-угольникомъ, крытая соломой — въ ней живутъ Малороссы; хата небѣленая, окна квадратныя, крыта гонтою — это Бѣлоруссы.

Любопытно наблюдать постепенное измѣненіе, вмѣстѣ съ шапками, и народнаго говора, ѣдучи, напримѣръ, хотъ изъ Кролевца (Черниговской губерніи) прямо на сѣверъ. Близъ Новгорода-Сѣверска вы уже замѣтите, что верхи шапокъ бѣлые, тамъ же услышите и бѣлорусскій акцентъ; переѣхавъ Десну, вы увидите уже только бѣлыя шапки, но гдѣ встрѣтитесь на ней хотъ небольшая полоска темнаго цвѣта, тамъ еще слышится говоръ малорусскій. Подвигаясь далѣе на сѣверъ чрезъ Стародубъ, Мглинъ до Рослава, вы вездѣ замѣтите одинъ нарядъ и одинъ говоръ — бѣлорусскій, но за Рославлемъ, на войлочныхъ шапкахъ, въ видѣ усѣченнаго конуса, появляются поля и темныя полосы, а вмѣстѣ съ тѣмъ верхушки начинаютъ удлиняться: вслушайтесь въ разговоръ — дѣканье начинаетъ изчезать; по мѣрѣ приближенія къ Юхнову, шапки дѣлаются темнѣе и языкъ переходитъ въ великорусское нарѣчіе; когда же въѣдете въ Калужскую губернію, то замѣтите, что войлочные шапки обратились въ извошчыи поярковыя шапки, а говоръ перешелъ въ московское нарѣчіе.

Съ Малорусскими бараными шапками происходят тѣ же превращенія: чѣмъ восточнѣе лежитъ мѣсто (въ Харьковской или Полтавской губерніи), тѣмъ шапки тамъ ниже, а чѣмъ западнѣе, тѣмъ выше, такъ-что, во многихъ мѣстахъ Подольской губерніи, онѣ, по высотѣ, не уступаютъ знаменитымъ персидскимъ. Головные повязки у женщинъ тоже измѣняются не вдругъ, а постепенно съ сѣвера на югъ. У самыхъ сѣверныхъ Русиннокъ (въ Черниговской губерніи, близъ Десны) головные повязки чуть не равняются пѣхотному киверу, а подвигаясь на югъ, все дѣлаются ниже и ниже; наконецъ, въ Херсонской губерніи, становятся чѣмъ-то въ родѣ маленькихъ чалмочекъ, не скрывающихъ даже верхней части головы.

Михаилъ Левченко.

Ноябрь 1860 .

Село Майорское, на Телигулѣ.

РІЗДВ'ЯННІ СВЯТКІ.

ПИСЬМО 1-е.

ВМІСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Считаю нужнымъ предъувѣдомить читателя моихъ писемъ о »Різдвяннихъ Святкахъ«, что подъ словомъ »святкі«, праздники, я буду разумѣть не то, что мы привыкли обозначать этимъ названіемъ, а то, что празднуеть, или чествуетъ какимъ-нибудь обычаемъ Украинскій народъ, и что имѣеть своимъ основаніемъ его вѣрованія, будутъ ли эти вѣрованія остатки до-христіанскаго періода, или плодъ религіи христіанской, или же осадка исторической его жизни.

Въ кругъ Рождественскихъ праздниковъ, народъ Украинскій включаетъ: *Багату Кутю*, *Святий Вечіръ*, *Святкі* вообще, *Щедрий Вечіръ*, *Посипання*, *Голόδну Кутю* и *Ордань*. — Я буду говорить обо всѣхъ этихъ праздникахъ, и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они тутъ обозначены. Но такъ-какъ всѣмъ имъ предшествуютъ приготовленія, то я и начну съ этихъ приготовленій.

Приготовленія къ Різдвяннымъ святкамъ.

Чистота и убранство хаты. — Хозяйки-Украинки вообще любятъ держать хату свою и свою семью въ чистомъ и опрятномъ видѣ, а предъ наступленіемъ такого большого праздника, какъ Різдвянні святкі, онѣ прилагаютъ особенное попеченіе, чтобы *охайтьця* и *причепу-рятьця* ⁽¹⁾.

(1) Привести все въ чистый и опрятный видъ.

Къ этому празднику хозяйка непременно вынесетъ изъ хаты все, что безъ особеннаго затрудненія можетъ быть вынесено и что болѣе или менѣе напоминаетъ о вседневномъ трудѣ: она вынесетъ, или по крайней мѣрѣ припрятетъ, всѣ снаряды для пряденія и самую пряжу (*гребені, дниця мотовила, гребінки, веретѣна, мички, почінки, клубки* и т. д.); она разберетъ и вынесетъ *верстать* ⁽¹⁾, если таковая имѣется въ хатѣ и если новая установка ея можетъ быть произведена домашними средствами; она уберетъ лишнюю *одежу*, и т. д. и т. д. Все это исполняется по преимуществу женскими руками, и мужчины принимаютъ участіе въ подобныхъ заботахъ только въ такомъ случаѣ, если трудъ оказывается выше женскихъ силъ.

Рядомъ съ этимъ, идетъ и *мазання* хаты. Разумѣется, наружная сторона ея оставляется въ покоѣ: морозы, холодъ — какъ возлѣ нея *нічкатыця*. Притомъ, снаружи, хата у рѣдкой изъ хозяекъ-Украинокъ не мажется предъ наступленіемъ зимы. За то внутренняя ея сторона должна извѣдать на себѣ всю силу заботъ хозяйки-*чепурѣхи*: тутъ и *херінь набивають* (перекладываютъ подъ печи), если онъ *вѣбився*; *шпарѣють* ⁽²⁾ и *білять*, мѣломъ или бѣлою глиною, стѣны, *стѣлю* (потолокъ), *печь, коминъ, челюсти, підпичья, прѣпечки* (все это части печки); если гдѣ окажется нужнымъ — *валькуютъ* (замазываютъ вывалившіяся, или готовые вывалиться, мѣста большими комьями замѣшанной глины, *вальками*); выводятъ красною или желтою глиною узоры возлѣ оконъ, дверей, отверстія печи, возлѣ образовъ, а иногда и надъ *лавами* (лавками), подъ *поліцями* (полки подъ потолкомъ) и вокругъ *місниківъ* и *судниківъ* (посудниковъ), — что все дѣлается особенно въ тѣхъ семействахъ, гдѣ есть или *невѣстка* молодая, или дочка-щеголиха; *вистрѣгують ділі* (ровняютъ заступомъ земляной полъ) и вымазываютъ *рудю* глиною, а гдѣ нужно и *накладають* (выбившіяся мѣста выравниваютъ вальками). У людей болѣе зажиточныхъ, напримѣръ у городского мѣщанства и козачества, у мелкопомѣстныхъ дворянъ и у богатыхъ хуторскихъ или сельскихъ козаковъ, вмѣстѣ съ *мазанкою свѣтлицъ, кимнатъ, пекарень* (кухонь) и т. д., идетъ и чистка печныхъ трубъ (*верхні трісять*).

За мазаньемъ слѣдуетъ *вимивання, перемивання, вичищання, шарування* и т. д. Тутъ чистится и моется все, что только можетъ

(1) Ткацкій станокъ.

(2) Замазываютъ глиною трещины (*шпары*).

подежать чищенію и омовенію, не подвергаясь опасности испортиться; тутъ моються и чистятся столы, лавы, *осло́ни* (скамьи), а гдѣ есть, *помо́сти* (деревяныя полы), и не какъ-нибудь, а горячею водою и *хво́щанками* (пучками соломы, преимущественно пучками растенія, называемаго *хво́щемъ*, а также пучками *очерету*); тутъ моються *віхтиками* (изъ соломы, сѣна, и въ особенности изъ тряпокъ) *образіи помос-ти, полиціи, сѣдники, мисники, стільчики* (маленькія скамейки), *кочерги, ухвати* (или *хвѣтки*), а гдѣ есть — коммоды, шкапы, кровати и другая мебель; если при этомъ гдѣ-нибудь, напримѣръ, въ кровати, окажется какой-нибудь иностранецъ: — «На двірѣ, на двірѣ іі! кипячівѣ, кипячівѣ!» (прочь, прочь изъ хаты! кипятку, кипятку!) и кровать обваривается три-четыре раза кипяткомъ, «Щобѣ и дѣху блощичого ⁽¹⁾ не бу́ло!»; тутъ моються и *вишаровуютьца* віхтиками горшки, *золінники, широканчики* (виды горшковъ), *миски, полумиски, макітри, рипочки*, ложки, и т. д. и т. д.; перемывается, у кого есть, чайная и прочая посуда, чистятся, у кого есть, самовары, вилки, ножи, подсвѣчники и т. п. Словомъ, съ горячею или теплою водою въ одной рукѣ, съ хво́щанкою или віхтикомъ или полотенцемъ въ другой, съ разгорѣвшимся лицомъ, съ выбившимися изъ-подъ *очіпка* и нависшими на лобъ пасмами волосъ, *підтікавшись, підсмікавшись*, хозяйка-Украинка пройдетъ въ это время, съ своею любовью къ чистотѣ, по всему, заглянетъ во всѣ закоулки, покорнаетъ въ малѣйшихъ скважинахъ. О, мой читатель, вы еще не знаете, что такое любовь хозяйки-Украинки къ чистотѣ, на полномъ ея ходу!

Когда начнется у насъ въ хатахъ, передъ Різдвянними свѣтками, всеобщее мазанія, вымыванія, перемыванія, шарованія, земляки мои бьвають, по видимому, очень недовольны, ворчать, бранятся даже: «Оце, чепурка!» говорятъ они женѣ, невѣсткѣ, или кто правитъ за хозяйку: «Пробі—зъ *хати*!... не можна, бачъ, було подождать до Великодня!» и т. п. Если вамъ придется услышать отъ нихъ подобныя слова — не вѣрьте имъ: это или просто *брехня* (внутренняго смѣху ради, они очень любятъ иногда говорить не то, что думаютъ), или же минутная досада, вызванная необходимостью разстаться съ вѣчно-дорогимъ намъ лежаніемъ въ просѣ на печкѣ, и перспективою слоняться по двору и огороду, *на холоді та на лихій годині*, за неимѣніемъ, по близости, кума или свата, у котораго въ хатѣ не происходило бы то же самое, что и въ ихъ

(1) Блощія — клопъ.

собственной. Повторяю еще разъ, не вѣрьте имъ въ подобныхъ случаяхъ; потому что и сами они очень-очень любятъ, когда уберутъ ихъ хаты *чѣпурно*, и они бы не такую пѣсню запѣли женѣ или невѣсткѣ, еслибъ она послушалась ихъ и оставила хату къ святкамъ неубранною. Жены ихъ и невѣстки очень хорошо это понимаютъ, и потому онѣ, обыкновенно *знающія строй*, и рѣдко осмѣливающіяся поднимать предъ ними голосъ, — на этотъ разъ, когда услышать брань за чистоту, — о, какъ возвышаютъ его! »Нічого вже вамъ, татусю, мабуть, оце балакать! Идїть же, идїть, кажѹ, зъ хати!« говорятъ онѣ; а мужу или брату: »Идї жъ мені, кажѹ, зъ хати! за добра ума! Ато онъ бачъ — кочерга?« И татусь, или мужъ, или братъ, идутъ съ хаты, насовывая на глаза шапку поглубже и будто-сердито ворча: »Ну-ну-нѹ! ти мені, знаєшь?... не тее!« или: »Кочерга!... Гмѣ, та въ кочергї двѣ кінці!« А какъ выйдуть на дворъ или огородъ, и увидятъ кума или сосѣда, тоже на дворѣ или огородѣ: »Оце«, говорятъ: »хоть зъ двору тїкай! Маруся такѣ мазання підняла, що й віконь не видно!«, а кумъ или свать, съ своего двора или огорода: »та й моя Ганна теежъ — и шапки нїгде положить!...« И одинъ кумъ смотритъ въ воздушное пространство, а другой кумъ смотритъ въ пространство не воздушное, будто это они такъ себѣ, только подѣлились другъ съ другомъ ощущеніями, пожаловались другъ передъ другомъ на свою горькую долю, а не прихвастнули одинъ передъ другимъ, что, молъ, у меня невѣстка вонъ-какая, а у меня жена вонъ-что!... Какъ видите, тутъ всѣ настроены на одинъ тонъ: мои земляки понимаютъ своихъ женъ и невѣстокъ, жены ихъ и невѣстки понимаютъ своихъ мужей и свѣкровъ, Ганна понимаетъ кума, кумъ понимаетъ Ганну. — словомъ, всѣ понимаютъ другъ друга отлично ⁽¹⁾.

Рядомъ съ мазаніямъ идетъ и *праттї* (мытье бѣлья....)

Вы, мой, много видѣвшій и много путешествовавшій, читатель, ужъ вѣрно подумали: »Славное, молъ, должно быть мытье бѣлья у нихъ, у

(1) Къ числу приготовленій хозяйки-Украинки для убранства хаты къ Рїздвяннимъ святкамъ, относится и приготовленіе или закупка *теремківъ*, бумажныхъ цвѣтовъ, для украшенія образовъ, и, вообще, для украшенія *покуття*. Но какъ обычай украшать теремками хаты долженъ быть признанъ обычаемъ по преимуществу *городскимъ* и обычаемъ сель и хуторовъ *подгороднихъ*, и какъ теремками, и вообще украшеніями изъ бумаги, хаты убираются чаще на *Великдень* (Свѣтлый праздникъ), чѣмъ на Рїздвянні святкі, то я здѣсь и оставляю ихъ въ сторонѣ. Придется говорить о Великоднї — пожалуй расскажу тогда и о теремкахъ. Равнымъ образомъ оставляю пока въ сторонѣ и окончательныя приготовленія къ убранству хаты: рассказывать о нихъ я буду тогда, когда буду рассказывать о вечерѣ на Богату кутю.

этих выпачкашних дѣтемъ чумаковъ! вотъ что встрѣчаешь по дорогѣ въ Крымъ или Одессу! — правда подумали?... Но не такъ слѣдуетъ вамъ думать.... Дѣйствительно, тонкое бѣлье селянки — землячки мои вымыли бы скверно, а съ воротничками и манишками вашими онѣ и совѣмъ не умѣли бы справиться. Впрочемъ, откуда имъ теперь и научиться этому! *Швабські* полотна теперь туда не попадаютъ, а если и попадаютъ — не на что купить.... Землячкамъ моимъ, остались для мытья только *десятки*, *дванадцятки*, а много-много *чотиринадцатки* (холстъ въ десять, двѣнадцать и четырнадцать пасомъ)! Затожъ онѣ моютъ ихъ усердно, очень усердно, и съ полнымъ знаніемъ дѣла!... И если бы вамъ мой читатель, удалось увидѣть *чотиринадцатку* такую хоть на рубашѣ, у какой-нибудь старушки, въ лѣтній праздникъ сидящей возле хаты и грѣющейся на тепломъ солнцѣ или у какого-нибудь *отце́ько-го* сына, въ лѣтнее воскресенье, послѣ обѣда, безъ *каптанка* и въ широкихъ шараварахъ, выглянувшаго изъ комнаты, посмотрѣть, отчего съ лаютъ собаки, — или же на цѣломъ роѣ дивчатъ, щебечущихъ и *граблями* на плечахъ спѣшавшихъ утромъ въ юньскій понедѣльникъ, на гребовицу, — вы бы сказали — »батистъ!... снѣгъ!...«

Можете же себѣ представить послѣ этого, что за *пра́ття* бываетъ у насъ предъ Різдвянными святка́ми, особенно если у хозяйки одна-двѣ *дочки на виданню* (невѣсты), или два-три неженатые *синий сокол*!... Тутъ пускаются въ ходъ всѣ приемы Украинской стирки; тутъ моются и сорочки, и шаравары холщевые или нестяревые, и *напёрники* съ подушекъ (наволоки) и *рядна*, и *рушники*, и *намітки*, гдѣ онѣ водятся (головной уборъ, въ настоящее время начинающій выходить изъ всеобщаго употребленія), и *очіники*, и *хустки* и т. д., — словомъ, все, что только слѣдуетъ мыть, до послѣдней тряпки включительно, до послѣдняго *віхтика*, которымъ обтирають горшки, и остается къ празднику немытымъ только бѣлье, которое на ту пору бываетъ въ поскѣ, да и то только самонужнѣйшее, *аби якъ-небудь переходить до святко́въ*. — Замѣчу еще, что въ основаніи всѣхъ этихъ хлопотъ о приведеніи въ чистоту бѣлья семьи лежитъ не то разсужденіе, что, дескать, »придутъ праздники, надобно запасти чистымъ бѣльемъ побольше; а мыть его праздниками и нельзя, и некогда, — нѣтъ! Во-первыхъ, стирка бѣлья, по понятію Украинцевъ, не изъ такихъ работъ, которыми нельзя было бы заняться, напрімѣръ, на второй день послѣ Новаго года, или даже и на четвертый день празднико́въ, — и, въ случаѣ надобности, они и занимаются въ эти дни. Во-вторыхъ, каждая хозяйка Украинка, если только средства и время ей

позволяютъ, непременно увеличить къ такому празднику, какъ Різдвянні святкі, всѣ статьи бѣлья и для всѣхъ членовъ семьи, по крайней мѣрѣ однимъ экземпляромъ, чтобы къ празднику, каждому *була новá сорочка* и т. д. Всѣ эти хлопоты о приведеніи бѣлья въ чистоту, это всеобщее омовеніе, у насъ имѣеть своимъ побужденіемъ одно: чтобы въ хатѣ было можно менѣе грязи во время праздниковъ.

Наряды. — Вы, мои земляки и землячки, читающіе мое писаніе, вѣрно улыбнулись грустно, увидѣвъ выставленное тутъ *наряды*?... Понимаю, отчего у васъ грустная улыбка! Правда ваша!.. какіе у насъ! наряды! гдѣ намъ ихъ взять!... Мы бѣдны, очень бѣдны, совсѣмъ бѣдны! даже богатѣйшіе между нами, — мелкопомѣстное дворянство, городское козачество, мѣщанство и проч. — и тѣ бѣдны! Хлѣба у насъ много — не лѣнимся мы его пахать; и скотъ водится — отчего ему у насъ и не водиться? Но что въ этомъ проку! Земля наша велика и обильна, но *про́шей* въ ней нѣтъ, да и много кое-чего нѣтъ въ ней!

Я, напримѣръ, козакъ, хозяинъ средней руки; у меня жена, сынъ двадцати лѣтъ, записанный въ ревизію, и двое меньшихъ дѣтей. Въ этомъ году отъ кормовъ у меня останется пудовъ сто разнаго хлѣба — могу его продать. Цѣна, слава Богу, теперь не по 4¼ коп. ср. за пудъ ржи, какъ было вотъ лѣтъ нѣсколько назадъ, а по 10 коп. ср.; значитъ я выручу 10 р. ср. Ну, сапоговъ три пары, для меня, жены и сына, по 1 р. 15 к. ср. пара, — 3 р. 45 к.; пуда полтора соли — 1 р. 80 к. ср.; дегтю ведро — 1 р. ср.; водки и рыбы для косарей: — кто поможетъ мнѣ косовицу отбить безъ водки и рыбы! — 1 р. 25 к. ср. Много ли еще осталось? *Два рубля пятьдесятъ коп.!!!* А подушное за двѣ души, рекрутскія и еще разныя тамъ!... *А присінаетця чого* Старшина, Писарь, Голова, Окружный и проч. и проч!!.. А серпы *зубѣтъ, сокиру* новую кунить, попамъ дать, желѣзо въ плугѣ порвется и т. д. и т. д.. Ну, и «наша-жъ душá не зъ лопу́цька»⁽¹⁾ и хоче того, що й людська», — можетъ быть, хоть праздникомъ когда-нибудь, захочется выпить чарку водки!.. Пѣтъ, жена моя, нѣтъ, мой сынъ, не будетъ вамъ въ этомъ году обновки къ Різдвяннымъ святкамъ! Можетъ быть, въ слѣдующемъ году удастся тебѣ, сынъ мой, больше принести денегъ съ заработковъ... можетъ быть, смогу продать одну-другую овечку, продать *телічку*, а можетъ быть и свинью: будемъ всѣ здоровы, и не придетъ

(1) *Лопу́цьк* — очищенный, облупленный, стволъ растений, употребляемыхъ въ пищу, напримѣръ *козельщакъ*.

ся откупать тебя, сынъ мой, отъ рекрутства, или не случится что подобное — куплю вамъ тогда обновки, а теперь *даєбі! вибачайте!...* ⁽¹⁾

Мы бѣдны и знаемъ, что »такъ горнѣться, якъ одягнѣтьця«, по въ то же время любимъ, чтобы одѣжка была по нашимъ ножкамъ, чтобы мы могли быть вездѣ *нами*, чтобы *свѣто* (праздникъ) могли мы чтить и въ одежѣ тѣмъ, что такъ дорого нашей душѣ — *звичайністю, охайністю*. И потому: во-первыхъ, мы завели у себя обычай, — если только средства сколько-нибудь позволяютъ, имѣть двѣ перемѣны одѣжи, старенькую — *про будень*, а новенькую — *про свѣто*. Въ слѣдствіе такого обычая, мы носимъ платье не такъ, какъ носите его вы, господа и госпожи! Вы, господа, когда сошьете себѣ новое платье, новый корсетъ подъ жилетъ или подъ мундиръ, или вы, госпожи, какъ сдѣлаете себѣ новенькій бурнусъ или новый кринолинъ, — тотчасъ на себя и на Невскій, и таскаете ихъ ежедневно до новаго корсета, до новаго кринолина, не разбирая ни *будня*, ни *свѣта*; мы же, какъ пошьемъ себѣ *керею* (свита), или сдѣлаемъ себѣ *нові запаски* — тотчасъ ихъ въ *скриню* (сундукъ) или въ *хйжу* (чуланъ), и не прежде надѣваемъ ихъ, какъ наступитъ свѣто, къ которому они сдѣланы, и потомъ носимъ ихъ только въ свѣто, или же при событіяхъ нашей жизни, равняющихся, по нашему понятію, свѣту. Если средства намъ позволяютъ, мы даже такъ поступаемъ съ одежою: вомѣсто двухъ ея перемѣнъ, мыи мѣемъ три (богачи-козаки имѣютъ иногда и гораздо больше, особенно по нѣкоторымъ статьямъ; напримѣръ, кожуховъ у иного наберется пять-шесть и даже больше; но мы говоримъ о массѣ населенія Украинскаго): старенькую перемѣну — для будня, которая поновѣе — для обыкновенныхъ праздниковъ, а совершенно новая — для такихъ праздниковъ, какъ Різдво или Великдень, или для случаевъ, которые, по нашему понятію, равняются большому свѣту.

Во вторыхъ, у насъ въ обычаѣ шить себѣ платье не сейчасъ, когда мы *спромоглись*, или когда намъ прійдетъ охота, а къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Різдвааннымъ праздникамъ или къ Великодню. До праздниковъ мы стараемся какъ-нибудь *проходити*, обойтись старенькимъ. Если я еще весною *спроміся* на *лиштварі* (овечьи кожи) для женскаго кожуха и еще весною *починівъ* ихъ, кожуха женѣ я все-таки не сдѣлаю къ зимѣ, хоть ей и *на плечі нічого накінути*, а сдѣлаю къ Різдвааннымъ святкамъ, а до того пусть *якъ-*

(1) Богъ дастъ! Извините!

небудь прохóдитъ, — въ моемъ кожухѣ, въ дочкиномъ, что-ли. Такъ поступлю я и со всякаго рода одежою, и для всякаго члена моей семьи. Благодатный нашъ климатъ не будетъ особенною помѣхою, чтобъ, напримѣръ, сытъ мой Иванъ *прохóдивъ* осень и первые морозы зимы въ *шкарбанáхъ* (старыхъ и изорванныхъ сапогахъ); не будетъ помѣхою и мѣстное общественное мнѣніе, что, дескать, я хожу въ жениномъ кожухѣ, или пятилѣтній мой Петрусь катаетъ бабы изъ снѣгу въ материнныхъ сапогахъ, или на женѣ моей *кожущáнка* — что называется «лáта на лáті»: мѣстное общественное мнѣніе поемѣялось бы надо мною тогда, когда бы я носилъ нищенскую одежду изъ скряжничества, поемѣялось бы какимъ-нибудь прозвищемъ, или чѣмъ либо подобнымъ, убійственнѣе, чѣмъ оно обыкновенно смѣется, такъ, что хохотъ его послышался бы моимъ и внукамъ и правнукамъ. Но надъ тѣмъ, что я по нуждѣ хожу въ жениномъ кожухѣ, или что Ивану не шьются новые сапоги въ ожиданіи Риздвянныхъ святокъ, никто не поемѣется — мы все хорошо знаемъ другъ друга, и знаемъ, *що въ Хіврі нема очіпка...* ⁽¹⁾ При томъ, въ отвѣтъ нескромному и *незвичáйному* зубоскалу, въ арсеналѣ нашей памяти, найдется много метательныхъ снарядовъ, придуманныхъ для подобныхъ случаевъ опытомъ вѣковъ: «скачі, враже, якъ пánъ кáже», «нуждá закóнъ змíня», «сёго не знімуть, крáщого не да́уть» и т. п.

Обычай шить платье къ праздникамъ и, главнымъ образомъ, къ Різдву и къ Великодню, вполне согласуется съ условіями нашего быта, теперь почти исключительно земледѣльческаго. Послѣ праздниковъ Рождества, у насъ главная молотьба, главная доставка хлѣба въ винокуренныя заводы и въ города; мы въ это время рубимъ и вывозимъ лѣсъ, хворостъ, лозу, запасаемся, гдѣ можно, очеретомъ; возимъ масло, сыръ, *дробину* въ такіе пункты продажи, какъ Кіевъ, Нѣжинъ, Черкасы, Кременчугъ, Харьковъ, и т. д. и т. д., — словомъ, это не такое время, чтобы возиться съ *кравцями* и *шевцями*, тѣмъ болѣе, что наши *кравці* и *шевці* такіе же хлѣборобы, какъ и мы сами, и въ рабочую пору ни платья шить, ни сапоговъ тачать не захотятъ. Вотъ какъ *пóститъ* снѣгъ и попортитъ дороги и *токі*, когда ни молотить, ни вѣздить нельзя, а плетни плести, и сѣять еще не пришла пора, — тогда другое дѣло! тогда можно приняться и за *черевіки*, и за *каптанкі*, и

⁽¹⁾ «У Оевронїи нѣтъ повойника». Поговорка эта имѣетъ значеніе, противоположное значенію поговорокъ: «Знаю, що въ Кúзьми є грóші, та и т. д.»: Знаю, что у Кузьмы есть деньги, но....

за *карсе́ти*, а хто спромо́жеться—и за жупа́ни и за шарава́ры, пестря-девые или китайчатые!... Послѣ Христова воскресенья снова работы на всю весну (за исключеніемъ короткаго промежутка времени около Духова дня), на все лѣто и на всю осень—опять съ платьемъ возиться некогда! А вотъ, какъ ужъ хлѣбъ на гумнѣ, и мы часть его помолотили для домашняго обихода и для первой продажи,—тогда можно принятися и за платье — этакъ къ Різдву, около середины *Пилі́півки* (Филиппова поста).

Къ Різдвяннымъ святкамъ преимущественно приготавливаются кожухи, *керѣ́и*, світи женскія и мужскія, *кожуша́нки*, *чо́боти*, *кажанки́* (кожанокъ—баранья куртка; называется также и тужу́рокъ) и такъ да-лѣе, словомъ, то, что носятъ, по преимуществу, не лѣтомъ.

Безъ сомнѣнія, кто въ состояніи, покупаетъ въ это время женѣ очипокъ или на очипокъ и т. п., а кто побогаче (читатель помнитъ вѣроятно, кого мы богатыми здѣсь разумѣемъ) кожухъ кроетъ новымъ сукномъ, шьетъ дочкѣ новую шубу на заячемъ мѣху, покупаетъ новую шанку изъ сѣрыхъ смушковъ.

Безъ сомнѣнія также, что слова: »Есть такой товаръ, противъ котораго не устоитъ никакая Украинская *гарная дивка* или жинка, есть кольца-*змѣйки* и серги-*польки*... за которыя Малороссійская крестьянка охотно отдастъ и собранную ею въ теченіи года щетину, и птичье перо палое и щипаное, и многіе другіе предметы ея хозяйства, ей ничего не стоящіе«, — слова, сказанныя авторомъ »Исслѣдованія о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ« вообще, больше всего оправдываются при наступленіи такихъ праздниковъ, какъ Різдвянны святки (по крайней мѣрѣ что касается до щетины, собираемой за вторую половину щетиннаго періода, т. е. съ начала лѣта до праздника Рождества): предстоить столько праздниковъ, а послѣ праздниковъ столько будетъ свѣтъбѣ,— столько, значить, случаевъ показаться! *а мо́же, й вінъ прі́йше свати́вз!*... А злодѣи-щети́нники и коробѣ́йники, то и дѣло, снуютъ, одинъ со двора, а другой въ дворъ! и *дукачі́* у нихъ такіе, и *намиста́* (монпета), и кольца-змѣйки, и серги-польки!

Пища и питье. Изъ съѣстныхъ припасовъ, которыми хозяйка-Украинка старается запастись еще до наступленія Багато́й кути, самыя важныя, безъ всякаго сомнѣнія, припасы для приготавливанія *куті* и *узвѣра*. Какъ и когда они готовятся и ѣдятся, объ этомъ будетъ рассказано мною въ свое время; здѣсь я укажу только на матеріалы, нужныя хозяйкѣ для ихъ приготавливанія.

Для кути ей пужна непременно крупа изъ пшеницы, приготовленная какъ перловая крупа изъ ячменя. Для этого берется хозяйкою самая лучшая пшеница, какая только у нея есть, очищенная отъ *куклію* и всякаго сору, перемытая, обыкновенно *тогорочия*, (т. е. нажатая въ томъ же самомъ году), и толчется въ *ножані ступі* (не въ мельничной ступѣ, а въ такой, которая приводится въ движеніе человѣческими ногами), чтобы зерно не дробилось, какъ это иногда случается въ мельничныхъ ступахъ, и выходило бы круглое и чистое, что называется, какъ слеза. Приготовленную такимъ образомъ пшеничную крупу, называемую обыкновенно у насъ кутею, очищаютъ черезъ решето, и потомъ хранятъ, гдѣ слѣдуетъ, впредь до востребованія.

Впрочемъ, отъ этого общаго правила бываютъ отступленія! Какъ ни твердо держимся мы стародавнихъ обычаевъ, и какъ ни повсемѣстно у насъ вѣрованіе, что кутя должна быть непременно изъ пшеничной крупы,—между горожанами такихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Кіевъ и даже между *панками* и *полупанками* сельскими (сельскимъ мѣлкопомѣстнымъ дворянствомъ), встрѣчаются въ этомъ случаѣ прозелиты, которые, по примѣру иныхъ пановъ, готовятъ для себя кутю уже не изъ пшеничной крупы, а изъ риса. Далѣе, *бідота*, у которой нѣтъ ни *жмѣні* (горсти) пшеницы, и которую очень-очень часто можно встрѣтить у насъ между крѣпостнымъ сословіемъ, — въ крайности, когда ужъ нѣтъ никакой возможности достать себѣ настоящей *куті*, приготовляетъ себѣ кутю изъ перловой крупы, называемой у насъ тоже *кутею*. Такого же обычая,—приготавливать кутю не изъ крупы пшеничной, а изъ перловой, держатся и иные панки и полупанки относительно своей дворни, подражая, конечно, и въ этомъ случаѣ примѣру иныхъ пановъ.

Приготавливая крупу для кути, хозяйка у насъ заботится еще и о медѣ. По стародавнему обычаю, медъ для кути непременно долженъ быть въ *сцѣльникахъ* (сотахъ), какъ можно менѣе помятыхъ и, если возможно, приготовленныхъ пчелами изъ липоваго цвѣту, слѣдовательно бѣлыхъ, душистыхъ. Такими сотами запасаются, обыкновенно еще осенью, когда кладутъ ульи въ *бджоляники* ⁽¹⁾, а иногда и нарочито вынимаютъ оттуда передъ Багатою кутею намѣченный прежде улей и добываютъ изъ него сотовъ. Впрочемъ, обычай употреблять непременно

(1) Бджоляникъ — погребъ, въ которомъ ульи складываются на зиму. — Буквы *дж* произносятся въ этомъ словѣ какъ Италіянское *g* предъ мягкими гласными.

соты для кути, починаєть мало по малу у насъ исчезать.... Замѣтное уменьшеніе у насъ пчеловодства и повсемѣстное распространеніе бѣдности, заставили насъ обращаться къ медовой патоцѣ — покупать ее въ городахъ, или у мѣстныхъ посѣчниковъ, а чаще всего — доставать способомъ, о которомъ я скажу ниже. — Впрочемъ... если иной изъ моихъ бѣдныхъ земляковъ не въ состояніи себѣ добыть пшеничной и крупы, то гдѣ же ему взять мѣду!... Ъдять въ такомъ случаѣ и одну кутю, или съ маковымъ молокомъ, съ жижицею изъ узвару, а иногда ѣдять.... Я вамъ разскажу, какъ иногда ѣдять мои бѣдные земляки кутю при нуждѣ!

Бѣхалъ я однажды на Богату кутю изъ школьъ домой. Въ дорогѣ захватила насъ сильная вьюга, и загнала въ одинъ степной шинокъ. Вхожу — цѣлая толпа народу, тоже путники. Сѣ, то, другое, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Между тѣмъ начало темнѣть, скоро бы и за кутю пора. Принялись толковать и о кутѣ: что нельзя же намъ остаться безъ нея, надобно во что бы то ни стало достать, — толковали-толковали, и порѣшили обратиться къ хозяину, продай-моль! »Святощівъ не продають (того, что свято, не продають)!« лаконически отвѣчалъ намъ сѣдоволосый хозяинъ шинка. — »Дакъ такъ дай, спасибі тобі!« — »Такъ — можна!« и, поворотившись къ своей старухѣ, — »Дасі імъ, старá, якъ будемо їсти, на брата, по грúдоццї (¹), та й по півлôжки ситї, и по лôжцї узвару!...« Съѣлъ старикъ съ своею семьею кутю, съѣли и мы каждый свою порцію, благодаримъ хозяина, — въ ворота стукъ! Цѣлый транспортъ привалилъ, и все таки наши земляки. — Обогрѣлись новопріѣзжіе, и какъ мы: »Будь лáсковъ, дідусю!« — Нѣтъ кути! — Жалко было смотрѣть, въ какое бѣдные пришли уныніе! »Вотъ,« говорятъ, »какъ привелъ Богъ! хоть бы чужой, хоть бы по кусочку!« — Слушаль-слушаль ихъ старикъ: »Ну, говоритъ, коли ужъ вы люди такіе богобоязливые... обождите! Дай мнѣ старуха, *лихтарію* (фонарь), да не вымывай миски, что ѣли кутю!« И взявъ фонарь и поставивъ въ него *каганіць* (особого рода свѣтильня), вышелъ изъ хаты. Черезъ четверть часа онъ воротился съ кружкою яблочнаго квасу... вылилъ его въ миску, и поставилъ на столъ: »Поїжте«, говоритъ, »хоть оцѣго замѣсть узвару, — старі люди такъ насъ вчили, при нуждѣ (поѣжъте хоть этаго вмѣсто узвару, — старые люди такъ насъ учили помогать себѣ въ нуждѣ)!« И новопріѣзжіе ѣли ложками квасъ, и благодарили

(¹) По кусочку.

Бога и старика, что и они, бѣдные путешественники, могли *встрѣтить* кутю!...

Хозяйки, собирающіяся готовить у себя кутю изъ пшеничной или перловой крупы, кромѣ крупы и мѣду больше ничѣмъ не запасаются; но хозяйки, которыя *попанѣчились, панѣми помѣзались*, или (какъ выражаютъ еще иногда мои земляки подобный прозелитизмъ) *почортѣли, забѣли Бога, превернулись изъ людей въ чорзнащо*, и т. п., т. е. такія хозяйки, которыя забыли *предковскі звичаї* и собираются сдѣлать у себя кутю изъ *рѣжу* (рису), тѣ, кромѣ рису, запасаются иногда и *родзинками* (изюмомъ).

Второе мѣсто, послѣ запасовъ для кутю и узвѣра, занимаетъ приготовленіе *мясїва* (мясъ) для праздниковъ. Тутъ—кто во что гораздъ! Кто позажиточнѣе, *бьетъ* вола, корову, *телїцу*, (обыкновенно такихъ, которые оказываются почему либо неспособными для работы, для приплода, для продажи, — отъ которыхъ нельзя ждать *корїсти*), и если семья небольшая, часть мяса продается, а другая, замороженная, остается для домашняго обихода, и ею кормятся до великаго поста, а иногда еще солятъ и оставляютъ для Великодня. У кого много птицы, часть, назначаемую для домашняго употребленія (для продажи обыкновенно рѣжутъ послѣ праздниковъ, если, конечно, не продадутъ на мѣстѣ живьемъ), рѣжутъ всю передъ праздниками, и иногда даже за нѣсколькой недѣль, если морозы хорошіе и постоянные, даже иногда предъ Филипповымъ постомъ, чтобы заговѣтъ *дробиною*, и потомъ порѣзанную замораживаютъ и поступаютъ, какъ и съ замороженною говядиною. При этомъ (что впрочемъ случается большею частію съ людьми менѣе зажиточными и нуждающимися въ деньгахъ для праздниковъ и текущихъ расходовъ), часть рѣзанной дробины, особенно гусей, и даже часть нерѣзанныхъ гусей, продается на *красныхъ торїахъ* въ городахъ. Кто же побѣднѣе — довольствуется одною-другою *гускою*, или *куркою*, а кто и совсѣмъ бѣденъ, ничего не имѣетъ... Ну, да вы, мой читатель, и сами хорошо знаете, что можно сдѣлать изъ ничего....

Но бѣденъ ли мой землякъ или нѣтъ, въ состояніи ли онъ что-нибудь зарѣзать въ это время изъ дробины, или не въ состояніи, но ужъ кабанъ, или свинья, или *підсвинокъ*, или хоть *поросѣя*, непременно у него будутъ откормленны и заколоты къ *Різдву*. Обычай этотъ до того повсемѣстенъ у насъ и до того намъ по сердцу, что даже жители уѣздныхъ нашихъ городовъ, за исключеніемъ, конечно, панства, держатся его почти все безъ исключенія. А ужъ дѣтямъ-то дѣтямъ—куда какъ онъ по сердцу!.. въ

перспективъ сало, колбасы, *кєндюхъ* ⁽¹⁾, начиненный *грудниною*, киш-ки гречневые или пшонные, печонка и запекшаяся кровь, поджаренныя съ саломъ, и т. п., а пока—пузырь, выматый въ гречневой золѣ и наполненный горохомъ: и *торохтать* можно, и къ хвосту рудому коту привязать!.. »Глядѣть же, мамо, розбѣдѣть менѣ за́втра, якъ бѣдѣть кабанъ смалѣть!.. Чи розбѣдете? га?.. Розбѣдѣть же... «—»И менѣ, и менѣ!.. «—»Добре, добре, спѣть вже!» и дѣти, малъ-мала-меньше, сладко за-сыпають, убаюкиваемые радостною мыслию, что ихъ разбудятъ, и что они будутъ смотрѣть, какъ кабанъ будутъ смалѣть... И вотъ завтра, еще до разсвѣта, уже вся семья на огородѣ, или въ саду, или на берегу у рѣчки, и смалѣть *кованого* или *білого*... На кованомъ или бѣломъ куча пылающей соломы; глава семьи расхаживаетъ и поправляетъ шестомъ огонь, дѣти какъ грибы вокругъ, а въ сторонкѣ мать... А тамъ, подальше, тоже огонь и семья... на право — опять огонь и семья... за рѣкой слышенъ лай собакъ... на селѣ заблаговѣстили... востокъ начинается алѣть....

Къ этимъ предметамъ заботливости хозяевъ-Украинцевъ, готовящихся къ Різдвяннымъ святкамъ, надобно отнести и заботы о *горілці*. — Большое раздолье у насъ въ это время винокурнямъ и шинкамъ!.. берутъ горилку и бочками, и боченками и ведрами, и *пиввідрами* или *пятириками*, и квартами, и можетъ быть только одна косовица въ состояніи потягаться въ этомъ отношеніи съ Різдвянными святками!.. И не удивительно! столько праздниковъ скопилось разомъ, притомъ между ними есть нѣсколько такихъ праздниковъ, въ которые каждый Украинецъ, даже не-пьющій въ обыкновенное время водки, считаетъ своею неперемѣнною, можно сказать, священною, обязанностию, пить хоть по немногу. Сверхъ того, вслѣдъ за праздниками наступаютъ свадьбы и неразлучныя съ ними *добрідні* (визиты жениха и невѣсты роднымъ и знакомымъ, послѣ свадьбы) и т. п.

Купленная горилка употребляется во время праздниковъ большею частію въ натуральномъ ея видѣ; тѣмъ не менѣ хозяйка у насъ, особенно зажиточная, неперемѣнно постарается запастись къ Різдвяннымъ святкамъ разными настойками и *запѣнками*, т. е. водкою, настоянною на какихъ-нибудь колоніальныхъ кореньяхъ, на печкѣ, въ горячемъ мѣстѣ, въ закупоренномъ или даже замазанномъ штофѣ, *бутелі* и —

(1) Брюшникъ.

постарается запастись любимыми нами *перчиківками*, на струковатомъ или кругломъ перцѣ, *каганівками*, *бодянівками* и т. и т. д.

Мелкопомѣстное дворянство, знакомое съ *шпунтами* или *шпунтушами*, какъ называются у насъ пунши запасными любителями этой заморщины, запасаются въ это время и *двойною*.

Білі васильки, ладонь и воскъ. Для чего намъ нужны во время праздниковъ Рождества бѣлые пахучіе васильки, ладонь и воскъ — читатель узнаетъ въ свое время, здѣсь же мы должны только показать, какъ мы ихъ себѣ достаемъ, или, лучше сказать, какъ мы достаемъ себѣ воскъ, потому что ладону, на грошъ, на два, мы очевидно должны купить у *крамарівъ*, или городскихъ, на *красныхъ торіахъ*, или же на какой-нибудь ярмаркѣ, а васильки растутъ на нашихъ же огородахъ; еслижъ у насъ не выросли, то навѣрное выросли у *сусіди*, у кумы, или у свахи: *сѣбѣ дива у насъ — аби хить!*

Пчеловодство у насъ, какъ я и выше сказалъ, падаетъ, число пасѣкъ годъ отъ году уменьшается; поэтому всей почти массѣ хозяекъ Украинокъ воскъ и мѣдъ приходится доставать у другихъ. Конечно, въ города онѣ за этимъ рѣдко обращаются: зачѣмъ обращаться въ городъ, когда тутъ же на селѣ, или гдѣ-нибудь въ ближайшемъ хуторѣ, есть, можетъ быть, у кого пасѣка! Притомъ, въ городѣ воскъ и мѣдъ приобрѣтаются на деньги, а мы готовы лучше въ три-дорога приобрѣтать все, лишь бы только приобрѣтать не на деньги, потому что, какъ я уже сказалъ, земля наша велика и обильна, но *грѣшей* у насъ нѣтъ!.. Хозяйки у насъ, поэтому, мѣдъ и воскъ вымѣниваютъ у мѣстныхъ владѣтелей насѣкъ: на куръ, куриныя яйца и тому подобныя *статки* женскаго хозяйства; но чаще всего вымѣниваютъ ихъ на свой трудъ, или, употребляя присвоенные этому акту мѣны мѣстные термины, объясняющіе и самое качество промѣниваемого труда, *беруть* воскъ и мѣдъ, и особенно воскъ, на *пивмітка*, на *мѣтокъ*, на *сорѣчку*, т. е. обязываются пошить кому-нибудь рубаху, или напрясть пивмитка или мѣтокъ пряжи (конечно изъ матеріаловъ дающаго мѣдъ или воскъ), и берутъ за это извѣстное количество кусочковъ воску, или извѣстную мѣру мѣду. Даже самую сдѣлку предлагаютъ въ такихъ терминахъ... »Дай«, говорятъ, »миѣ воску, или мѣду, на пивмитка или на сорѣчку!« Къ распространію обычая обмѣнивать, въ такой формѣ, трудъ на медъ и воскъ, немало вѣроятно способствовалъ другой обычай, существующій у многихъ дорогихъ земляковъ, именно обычай — въ трудныя и скорбныя минуты жизни давать обѣты ставить *Божі матері, Спасітелямі*, угодицамъ

святимъ, свѣчи, собственноручно сдѣланныя, и изъ воску, *собственно-ручно заработаннаго*, и данные обѣты исполнять строго и буквально, хоть будь своего воску — куры не клюютъ, хоть пусть *гадюки тутъ сидятъ* и не позволяютъ исполнить даннаго обѣта... потому что вѣрують мои дорогіе земляки и мои дорогія землячки — »хто ламѣе слово, той віру ламѣе, той дѣшу ламѣе, той Бѣга ламѣе!...«

Такъ достають себѣ медъ и воскъ мои землячки вообще, и такъ онѣ достають ихъ предъ Різдвянными сватками по-преимуществу... говорю *по-преимуществу*, такъ-какъ предъ этимъ праздникомъ и послѣ него онѣ болѣе имѣють свободнаго времени для отработки взятаго, чѣмъ во всякое другое время года и потому что въ это время года особенно *раздается* воскъ на *півмітки* и на *сорочки* владѣльцами пасѣкъ и зажиточнѣйшими хозяйками, имѣющими прядива много, а рабочихъ рукъ мало, и потому покупающими воскъ и спекулирующими.

Вотъ, мой читатель, важнѣйшіе предметы, на которые хозяйка-Украинка обращаетъ особенное вниманіе, приготавлиаясь къ *Різдвянимъ сваткамъ*! Въ слѣдующемъ письмѣ побесѣдую съ вами о *Бога-той кутьѣ*.

М. Н о м и с ъ.

1858 г.